

Дуглас Брайан Крыланы из Шадизара

В своих путешествиях Конан то и дело встречается с самыми разными людьми — бродягами, авантюристами, наемниками, разорившимися аристократами... Некоторые из них не раз оказывались спутниками киммерийца, и в этом нет ничего удивительного: ведь мир, по большому счету, довольно тесен, и на широкой дороге, по которой ходят искатели приключений, то и дело происходят самые неожиданные встречи.

* * *

Усадьба находилась за городской чертой Ианты и выглядела совершенно заброшенной — как раз то, что требовалось Конану. Он намеревался провести здесь некоторое время вдали от любопытных глаз. Кое-какие богатеи в Ианте, по мнению наблюдательного варвара, были слишком отягощены чрезмерным имуществом, и Конан собирался облегчить им ношу непомерного богатства. Для этого ему необходим был опорный пункт, где можно было спрятаться самому и скрыть награбленное.

Конечно, многого Конан не знал. Например, до поры оставалось для него неведомым то обстоятельство, что в Ианте орудовал он не один. Случай свел в этом городе сразу нескольких опытных мастеров древнего и почтенного ремесла...

В доме давно не жили. Что случилось с прежним владельцем — Конан естественно, не знал, однако с присущей ему наблюдательностью сделал несколько выводов. Человек, которому принадлежала усадьба, любил роскошь. Даже сейчас здесь сохранилось немало приятных безделушек — увы, не в том состоянии, чтобы можно было продать их с выгодой. Удобно обставленные мягкой мебелью комнаты — опять же, увы, мебель давно прогнила и испортилась, а покрывала и одеяла истлели. Единственное, что было еще годно к употреблению, — это фаянсовая посуда. Однако она как раз ценности не представляла.

Конан устроился так уютно, как только мог и насколько умел — варвар, привыкший вести кочевую жизнь, обычно довольствовался немногим, крыша над головой и высокий забор, отгораживающий нового жильца от взгляда случайного прохожего, — вот предел его требований к убежищу.

Впрочем, кое-что не давало киммерийцу покоя. Почему эту усадьбу бросили? Какая судьба постигла ее прежнего владельца? Даже если он умер почему никто не заявил о правах наследования? Конан сильно сомневался в том, что у богатого человека — а предыдущий хозяин дома и сада, был несомненно, весьма состоятельной персоной, — не нашлись бы какие-нибудь «убитые горем» дальние родственники, которые возжелали бы завладеть этой соблазнительной собственностью.

Нельзя сказать, чтобы эта загадка особенно мучила Конана. Просто он имел в виду, что с усадьбой не все чисто и просто.

Следовательно, размышлял варвар, устраиваясь на ночлег в просторной комнате, которая некогда служила гостиной, а теперь превратилась в спальню для могучего киммерийца и заодно в его оружейную, следовательно, в этом доме и саду стоит поискать. Возможно, отыщется нечто совсем неожиданное...

Неожиданное отыскалось. Точнее, оно свалилось Конану на голову — причем, в тот

час, когда он ожидал этого меньше всего. Произошло это посреди ночи.

Странный шум разбудил киммерийца. В незнакомом месте он всегда спал очень чутко, держа меч под рукой. Гибкий и осторожный, как кошка, Конан поднялся и подкрался к окну, не зажигая огня. Что-то происходило в саду. Что-то, за чем стоило бы понаблюдать.

Прильнув к окну сбоку, так, чтобы его фигура не бросалась в глаза возможному соглядатаю Конан жадно смотрел в ночную темноту. Луна ярко освещала сад, заливая его призрачным сероватым светом и превращая все предметы в плоские серые тени. Некоторые из этих теней шевелились.

Сперва одна, потом другая... и третья, одна за другой, три фигуры поднялись над высокой изгородью. Конан и сам мог бы взобраться по стене с легкостью, поскольку вырос в горах и карабкаться по уступам умел не хуже горного барана но эти странные персонажи вовсе не лезли по стене. Они как будто взлетели над ней.

Конан прикусил губу, чтобы не ахнуть от удивления — хотя, казалось бы, повидавший на своем недолгом веку варвар мог бы отучиться от привычки изумляться неведомому! Эти неизвестные действительно летали. В прямом смысле слова. Над их узкими плечами медленно расправлялись крылья, похожие по очертаниям на кожистые крылья летучей мыши. «Оборотни?» — подумал Конан и тряхнул головой. Он терпеть не мог подобной нечисти. Меч словно бы собственной волей шевельнулся в его руке, как будто призывал своего хозяина: убей, убей, избавь мир от оборотней!

Конан едва было не поддался первому порыву, но в следующее мгновение остановился и приказал себе наблюдать и делать выводы, а не бросаться в атаку очертя голову. В этом он усмотрел признак собственной зрелости и чуть усмехнулся, довольный. Еще несколько зим назад киммериец напал бы на непонятных существ, не раздумывая, и сперва уложил бы их одного за другим, а уж после решал, кого уничтожил: демонов, оборотней, колдунов-неудачников или вообще некую неведомую тварь, которой все равно не стоило летать по белому свету и пугать людей.

Трое крылатых посидели на стене, как три грифа, разглядывающие дохлую лошадь и предвкушающие пиршество, а затем медленно спустились в сад. Они парили на широко раскинутых крыльях, как невесомые шелковые платки, раздуваемые ветром, была в их полете странная, завораживающая грация.

Оказавшись в саду, они сложили крылья, скорчились, превратившись в горбатых, неуклюжих существ, и принялись за дело. Их маленькие сильные руки впились в мягкую садовую землю и принялись разрывать ее. Комья так и летели. Конан смотрел, недоумевая: чем они заняты? Неужели в саду действительно был закрыт клад? Киммериец чувствовал, как в нем закипает бешенство. Не успел! Он непременно нашел бы богатство, спрятанное прежним владельцем, если бы у него было достаточно времени для того, чтобы обшарить весь сад. А теперь явились какие-то странные крыланы и утащили зарытое прямо у него из-под носа.

И второй раз Конан усилием воли удержался, чтобы не наброситься на незваных гостей с мечом.

Как оказалось, решение было совершенно правильным, трое незнакомцев отнюдь не стали вытаскивать клад. Напротив. Когда яма была готова, они осторожно опустили в нее какой-то сверток, забросали сверху землей, а после утоптали рыхлую почву и бросили на нее несколько сорванных сорняков, чтобы те пустили корни и замаскировали заветное место.

— Ну и ну! — сказал себе Конан. — Они что-то тут спрятали. Вот что значит — воинская зрелость, терпение и тренированный ум! Как там говорили мой друг кхитаец Тянь-По? Мудрый не спешит, он сядет на берегу реки и будет ждать, пока текущие воды не пронесут мимо созерцателя труп его врага... Он покачал головой, словно дивясь собственной мудрости. Однако иная мудрость подталкивала его к действию. Нужно было только дожждаться, чтобы крыланы покинули сад. Как только это произошло, Конан осторожно выбрался из дома. Он огляделся, по-прежнему держа меч в руке, но в саду было совершенно тихо. Никто не прятался поблизости и не готовился напасть на самозваного хозяина усадьбы.

Конан крался от одного дерева к другому, прячась на всякий случай за стволами. Он хорошо отдавал себе отчет в возможной опасности. В любое мгновение крыланы могли вновь появиться в саду, взлетев над стеной. Однако, по счастью, ничего подобного не произошло. В саду все оставалось спокойно и тихо.

Конан добрался наконец до места, где копались крыланы. Отложив меч в сторону, варвар опустился на колени и принялся разгребать разрыхленную землю. Следы ног крыланов отчетливо отпечатались на ней, и варвар подивился тому, какие узкие и маленькие у них ступни. Наконец он нащупал сверток и вытащил его. Соблюдая предельную осторожность, Конан опять закопал яму и утоптал ее, как мог, а затем вернулся в дом со своей добычей. Он не стал зажигать свет в большой комнате, а вместо этого направился в кладовую, где вообще не было окон, и затеплил маленькую глиняную лампу, в которой еще сохранилось масло. Как ни странно, это старое масло горело ровно и ярко. Конан наконец смог развернуть грубую рогожу и взглянуть на то, что крыланы так заботливо схоронили в саду.

При свете лампы блеснули грани драгоценных камней. Тускло осветилось золото, сверкнули алмазы, кровавые отблески пустили по стенам рубины. Несколько широких браслетов, ожерелья, диадема, достойная королевы, металлический пояс с драгоценными камнями — вот что прятали в саду таинственные крыланы.

Конан присвистнул.

Ну надо же, как мне повезло! — воскликнул он, смеясь от души. — Я полагал, что мне предстоит совершить ряд набегов на местных толстосумов, но вот являются какие-то неведомые существа и приносят мне добычу прямо на дом. Остается только сидеть здесь, бездельничать и ждать, пока меня снабдят достаточным количеством золотых безделушек и, надеюсь, серебряных монет. Надо бы попросить их, чтобы в следующий раз приносили денежки... Он сложил украденное на полке в кладовой, рядом с треснувшими кувшинами и стопками старых глиняных и медных плошек, выбрался наружу и, загасив лампу, отправился спать. Излишним будет, естественно, говорить, что сон киммерийца был спокоен, как у невинного младенца, и что проснулся он рано в отменном настроении.

* * *

Несмотря на свое заявление насчет намерения сидеть в усадьбе и бездельничать в ожидании добычи, Конан ближе к середине дня навестил рыночную площадь Ианты. Не стоило рассчитывать на одну только удачу. В этом городе скопилось, по мнению варвара, слишком много денег, и немало туго набитых кошельков вызвали к нему с просьбой о кровопускании. Поэтому варвар принялся бродить по рыночной площади, высматривая какого-нибудь дворецкого, который, в свою очередь, приглядывает среди пришлого люда человека, готового наняться в охранники.

Вскоре подходящий дворецкий подвернулся. Это был сухощавый пожилой человек с уложенной бородой и сердитым взглядом бледно-голубых глаз. Конан принял возможно более роскошную позу, выставив на обозрение великолепную мускулатуру торса и выдавший виды меч из превосходной стали. Киммериец нарочно купил у уличного разносчика булочку, чтобы был повод задержаться на площади и покрасоваться, вертясь возле колонны крытого рынка, дворецкий клюнул на наживку скорее, чем даже надеялся варвар. Вскоре он уже стоял рядом и глазел на киммерийца так, словно был лошадиным барышником и созерцал выставленную на продажу лошадь.

— Эй, любезный! — обратился к нему Конан тоном, исполненным глубочайшего достоинства. — Правильно ли я истолковал твои взоры?

При этом он обнажил свои белоснежные зубы и несколько раз клацнул ими.

Дворецкий чуть отступил и принял оскорбленный вид.

— Прости, добрый варвар, если мой взгляд показался тебе слишком пристальным, — заговорил он примирительно. Однако при этом он выдал себя, боязливо озираясь по сторонам. Киммерийцу удалось нагнать страху на предполагаемого нанимателя, и теперь Конан готов был расхохотаться, такой потешной казалась ему физиономия дворецкого.

— Да ладно, чего там, — протянул Конан и сменил позу, чтобы дворецкий мог оценить мощь его ручищ.

Судя по всему, трюк удался вполне. Дворецкий даже поклонился от почтения.

— Я залюбовался тобой, — сказал он, — потому что моя госпожа... нуждается в телохранителе. Вот я и подумал...

— Что я продам свой меч какой-то избалованной бабенке? — зевнул Конан.

Дворецкий показательно оскорбился.

— Для начала не стоит называть мою госпожу «бабенкой», произнес он. — Она весьма почтенная дама. Состоятельная и привлекательная.

— А, — неопределенно высказался варвар и откусил сразу половину булочки.

— Просто ее милость обосновалась в Ианте совсем недавно, продолжал дворецкий, — и сразу начала обзаводиться прислугой. Поэтому у нее до сих пор нет телохранителя. А он необходим, когда речь идет об одинокой молодой женщине.

— Одинокой? — облизнулся варвар и затолкал и в рот остатки булочки. — Это интересно.

— Боюсь, добрый мой варвар, что это может заинтересовать также воров, грабителей, насильников и прочую малопочтенную публику. Ты меня понимаешь.

— Естественно, — отозвался Конан с набитым ртом.

— Она богата, говорю тебе. Она хорошо заплатит за собственную безопасность. Если бы ты согласился охранять жизнь моей госпожи...

— Должно быть, она действительно хороша собой и щедра, если ты, прослужив у нее недолго, так ее расхваливаешь, — заметил варвар.

Дворецкий чуть покраснел, и Конан отметил это не без удовольствия. Возможно почтенный пожилой человек и сам влюбился в эту даму. Такое случается сплошь и рядом. Время от времени она позволяет целовать себе ручку или ножку, а он за это при случае даст за нее содрать с себя кожу. Умно, подумал Конан.

А вслух произнес:

— Я должен посмотреть на твою госпожу. Если это какая-нибудь старая глупая корова, страдающая одышкой и мнительностью, то будь она хоть набита золотыми монетами — я не соглашусь охранять ее.

Дворецкий медленно залился краской.

— Как ты смеешь! — проговорил он. — Моя госпожа — самая прекрасная, умная...

— Понял, понял — перебил Конан и отошел от колонны. — Ну так води меня к ней! Если она и впрямь хороша, клянусь, я убью ради нее кого угодно, хоть демонов из преисподней.

Дворецкий посмотрел на варвара так, что стало ясно: он в этом не сомневается.

* * *

Госпожа действительно оказалась очень хороша. Очень умна. И очень одинока. У нее имелся только один недостаток. Она была воровкой, и Конан очень хорошо знал ее.

Зонара! — воскликнул он, едва дворецкий торжественно затворил дверь, и они остались наедине.

Конан! — вскричала она, бросаясь ему в объятия. — Какими судьбами?

Решил проверить, не скучали ли без меня здешние алмазы, рубины и прочие золотые побрякушки, — ответил Конан. — Я ведь не знал, что их уже развлекаешь ты!

Ну что ты, — протянула Зонара. — Я здесь на отдыхе. Я не ворую там, где живу, пора

бы это запомнить. Мудрое, кстати, правило.

Наверное, ты вычитала его в какой-нибудь книге, — предположил Конан.

Зонара, смеясь, ударила его по руке.

В книге моей жизни, Конан. В книге, полной самых невероятных приключений.

Ну, — усомнился он, — вряд ли она интереснее моей.

Ты старше, — объявила она, что было неправдой.

Конан тоже засмеялся.

Я рад тебя видеть богатой и в добром здравии, — сказал он вполне искренне. — Теперь скажи, стоит ли мне наниматься к тебе телохранителем или оставим все как есть.

Телохранитель мне любом случае понадобится, — произнесла Зонара, многозначительно щурясь. — Мое тело любит, чтобы его охраняли, если ты это имеешь в виду.

Конан чуть поднял брови.

Возможно, — сказал он наконец.

А что ты подразумевал под «оставим как есть»? — осведомилась она. — Что «есть»?

Есть заброшенная усадьба за городской чертой — объяснил варвар. — Совершенно пустая. Ее покинули несколько зим назад. Вино там еще не прокисло и бочках, но постели сгнили и всю мебель съели древоточцы. Я там обосновался пару дней назад.

Интересно, — протянула Зонара. — Наверное, будет лучше, если ты переберешься ко мне. Моя постель свежа и мягка, да и я сама — тоже.

Конан чуть вздохнул.

Может быть, ты и права... — начал он.

При словах «может быть» Зонара негодуя подняла брови.

У тебя, стало быть, имеются сомнения... — прошипела она, изгибаясь всем телом, как змея, готовая наброситься на жертву, Зонара была некогда акробаткой и до сих пор весьма умело пользовалась навыками, полученными в детстве и ранней юности. Если киммериец был, несомненно, многократно сильнее этой женщины, в ловкости она ему не уступала, а в иных случаях и превосходила его.

Конан, разумеется, не мог не считаться с данным обстоятельством и задумчиво пояснил своей старой сообщнице:

«Понимаешь ли, Зонара, в этом саду я кое за кем наблюдаю».

Зная характер Зонары, Конан не стал объяснять ей многого. Ей наверняка взбредет на ум какая-нибудь головоломная идея, причем реализация мудреного плана будет возложена на Конана, а если он откажется, Зонара изведет его попреками и в конце концов сделает все сама. И тогда киммерийцу придется выручать ее из очередной беды.

Поэтому Конан ограничился намеком на крайне важное дело, имеющееся у него в заброшенной усадьбе.

Не понимаю! — воскликнула Зонара, не скрывая разочарования. — Почему же ты, в таком случае, решил наняться в телохранители?

Чтобы получше осмотреться в городе, — невозмутимо ответил варвар. — У богатенькой красотишки наверняка есть богатенькие и глупенькие подружки. Ими бы я и занялся в первую очередь. Но, поскольку красотку оказалась ты, план можно считать провалившимся.

Я могу завести здесь знакомства, — объявила Зонара, немного задетая — Или ты считаешь, что со мной никто не захочет водить дружбу?

Я этого не сказал, — напомнил Конан. — Однако ждать, пока ты сделаешься респектабельной и уважаемой среди местных богачек, придется долго. Тик что пока я поживу у себя в усадьбе, а ты поразмысли над тем, как получше устроить собственные дела в Ианте. Я тебя навещу.

Конан поцеловал Зонару и покинул ее дом.

Она бессильно погрозила ему кулаком и повалилась на свою кровать. Однако по-настоящему обижена она не была. В конце концов, они с Конаном прошли вместе через

множество испытаний и Зонара научилась доверять киммерийцу. Он, несомненно, поможет ей обстригать дельце наилучшим образом, когда она найдет подходящий объект для приложения своих сил и дарований.

И все же, подумала она со свойственной ей непоследовательностью, стоило бы заняться той таинственной заброшенной усадьбой, где поселился варвар. Что он нашел в этом обиталище? Что там такого интересного происходит, если он предпочитает обитать среди сгнивших постелей и провалившихся полов — вместо того, чтобы нежиться с красивой женщиной посреди роскоши и уюта?

Зонара вскочила. Решение принято и нечего мешкать! Она не стала тратить на то, чтобы отыскать наряд, в котором обычно она выходила на улицу, изображая знатную особу. Вместо этого прямо на домашнее платье — легкую тунику, едва прикрывающую роскошное тело, — Зонара набросила длинный плащ с капюшоном, который полностью скрыл ее. Теперь она напоминала не то служанку, отправленную с тайным поручением, не то повитуху, слишком безобразную для того, чтобы показывать свое лицо кому-либо, кроме роженицы, которой уже безразлично, как выглядит ее долгожданная помощница.

— Очень хорошо — прошептала Зонара, тайком выскальзывая из дома.

Она отправилась бродить по улицам Ианты, выслеживая варвара. Конана, естественно, и след простыл — рослый киммериец умел ходить очень быстро и растворялся в толпе с ловкостью, достойной верткого маленького человечка. Как это Конану удавалось, оставалось для Зонары загадкой. Скоро она уже вышла за городскую черту и принялась исследовать окрестности Ианты. Лишь ближе к вечеру, когда у Зонары уже болели ноги от непрерывной ходьбы, она обнаружила то, что искала. Заброшенный дом, все еще крепкий и, несомненно, весьма богатый. Что здесь произошло? Что вынудило бывших владельцев покинуть здание? И если они умерли, то где наследники? Почему не продали дом и сад?

Теми же вопросами, только чуть раньше, задавался и Конан. Только Конан, по мнению Зонары был куда ближе к разгадке. Зонара предполагала, что разгадка э содержит в себе также некоторые способы обогащения. Она прикусила губу. Понятно, почему варвар не стал вдаваться в подробности при разговоре с ней! Если Конан и способен к чему-либо ревновать, так это к хорошо спланированному и тщательно осуществленному делу.

— Ничего мой милый варвар, — прошептала Зонара, крадась вдоль высокой каменной стены, ограждающей сад, — ты ведь знаешь, с кем связался! Неужели ты надеешься, что я оставлю тебя наедине с тайной и богатством, которое эта тайна хранит.

Она осторожно коснулась стены. Магическая защита отсутствует. Либо ее изначально здесь не было, либо Конан смел ее, точно паутину. Он это умеет. С магами у Конана разговор короткий: вынул меч — и нет больше мага, как бы тот ни старался, ни пыжился. И с демонами он, в принципе, общается по той же старой схеме.

Зонара принялась карабкаться на стену. Заглянула в сад. Ничего особенного. Фруктовые деревья еще не одичали, скоро персики нальются золотом и будут вкусными и сочными. Она заметила также гранатовое дерево и несколько апельсиновых. Отлично для начала.

Никаких ловушек, капканов или, скажем, окровавленного алтаря, посреди которого бьется девственница с перерезанным горлом, здесь не наблюдалось.

Очень, очень хорошо. Зонара спрыгнула со стены в сад и притаилась у ствола яблони. Все было тихо.

Интересно, где сейчас Конан? Зонара мысленно представила его себе. Сидит где-нибудь на полу и тянет вино из гигантского кубка. Он же сам сказал, что вино в бочках еще не скисло. Наверняка уже проверил и попробовал.

Зонара поморщилась. Ну почему ему всегда так везет! Он не блещет умом, никогда не умеет просчитывать свои действия на пять, десять шагов вперед — вечно действует по обстоятельствам... Возможно, она немного к нему несправедлива... Но только чуть-чуть.

Скользя беззвучно, она двинулась ближе к дому. Конан тем не менее уже заметил вторжение. Как только Зонара достигла двери в дом, оттуда донесся громкий голос киммерийца:

— Входи, раз пришла. Не стой в саду, не привлекай к себе внимания.

Зонара выругалась про себя и проникла в дом. Здесь все оказалось так, как она и предполагала. И даже огромный кубок с вином стоял наготове.

— Попробуй, — предложил варвар, и Зонара тотчас села. Вино действительно было очень хорошим.

— Кто здесь жил? — спросила она, вытирая губы. — Ты это уже выяснил?

— Пока нет, — ответил он. — Расспрашивать в городе опасно. Впрочем, ты можешь задать этот вопрос кому-нибудь из своих новых друзей. Когда обзаведешься таковыми. Но мне почему-то кажется, что самое важное из происходящего здесь — не прежний владелец, а кое-кто другой...

— Кто? — жадно осведомилась она.

— погоди, увидишь — отозвался Конан таинственно. — А пока взгляни вот на это.

И он протянул ей красивый золотой браслет, украшенный рубинами и изумрудами. Драгоценные камни, превосходно ограненные, отбрасывали на лицо Зонары разноцветные искры. Она даже присвистнула от восхищения.

— Не берусь спрашивать, даришь ли ты мне эту вещицу, — проговорила она наконец.

— Забирай, — махнул рукой Конан. — У меня таких полный мешок.

— Откуда? — Зонара сверкнула глазами.

— Не поверишь... — Конан потянулся, зевнул. — Мне принесли их прямо на дом.

— С нарочным? — Она решила, что он насмехается, и оскалилась.

— Почти... Я говорю тебе чистую правду. Раз уж ты нашла меня, то увидишь и все остальное. Нужно только подождать.

— Сколько?

— Не знаю... Может быть, все случится уже сегодня. А может, завтра. Мне неизвестно, как часто они приносят сюда драгоценности. И, кстати, я не знаю — может быть, в саду цпрятано еще. Поищем, хочешь? Только завтра, после восхода солнца.

— А нас никто не увидит? — спросила она. — Не опасно выходить из дома при свете солнца?

Конан подтащил ее к окну.

— Посмотри! — приказал он. — Много ты видишь поблизости домов?

— Ты прав, — ответила она. — Место совершенно безлюдное. Но случайные путники...

— Случайные путники увидят прежде всего высокую глухую стену. Вряд ли они окажутся так же любопытны, как ты, и полезут наверх. К тому же далеко не все умеют забираться на такие стены.

— Почему ты все время прав! — возмутилась Зонара. — Меня от этого уже тошнит.

— Тебя тошнит? — с притворным страхом переспросил киммериец. — А что ты кушала за обедом? Ты не ела на улице какие-нибудь пирожки? В них часто бывает несвежая начинка.

— Дурак, — обиделась Зонара и вдруг ее разобрал смех. — В самом деле! Что за беда, если ты все время прав? Иногда ты напоминаешь мне старуху, Конан. Дряхлую такую старуху с большим жизненным опытом.

— Мой жизненный опыт куда обширнее, чем у десятка старух, — самодовольно объявил варвар. — К тому же, взгляни на меня, Зонара. Ни у одной старухи нет такой мускулатуры, согласиись.

— И кое-чего другого — добавила она, забрасывая руки ему на шею. — Ну, раз уж мы

оба здесь... Конан...

И таково волшебное свойство молодости, что в конце концов им оказалось совершенно безразлично, где сплестать объятия — в роскошном будуаре дома Зонары или на полу заброшенной усадьбы.

* * *

Зонара не стала перебираться в усадьбу насовсем. Во-первых, она не хотела вызывать подозрения у дворецкого своим отсутствием. Еще не хватало, чтобы он начал ее разыскивать! А если он, к тому же, ее отыщет... Нет, нет и еще раз нет. Это совершенно излишнее. А во-вторых, Зонара все-таки любила роскошь. Конечно, заниматься любовью с варваром среди полного разгрома заброшенного дома — очень мило и все такое, но спать, обдумывать планы, примерять новые наряды и вообще жить девушка предпочитала в другой обстановке. И уж коль скоро подобная обстановка у нее имелась, отказываться от приобретенного она не собиралась.

На туалетном столике у нее лежал браслет из массивного золота. Изумительной красоты вещь! Зонара то и дело поглядывала на него, а затем, не выдержав, протягивала к нему руку и надевала за запястье. Украшение это было как будто создано для ее гладкой смуглой кожи, для ее сверкающих глаз, для копны ее причудливо уложенных волос. Она то набрасывала себе на плечи различные нарядные платья, то представляла перед зеркалом совершенно обнаженной, с одним только браслетом на руке.

Искушение было слишком велико, и Зонара устала ним бороться. Сегодня ее ждали у госпожи Териваны, супруги местного воротилы, который сделал себе состояние на торговле солью. Соляная королева госпожа Теривана, вместо того, чтобы стыдиться столь неаристократического происхождения напротив, всячески подчеркивала его. Например, у нее имелась диадема, главным украшением которой имелись причудливые кристаллы, выращенные из соли, а в приемной стояло несколько статуй, также вырезанных из цельных соляных кристаллов, причем внутри некоторых имелись настоящие драгоценные камни.

Зонара была уверена, что столь изысканная особа, как Теривана, оценит великолепный браслет. Более того, Зонара чувствовала искреннее уважение по отношению к этой женщине и хотела бы произвести на нее впечатление. И потому она в конце концов поддалась искушению.

Она избрала такой наряд, который подчеркивал бы браслет и ни в коем случае не отвлекал от него внимания. Поэтому Зонара распустила волосы, прихватив их тонким золотым обручем, надела несколько полупрозрачных платьев, одно поверх другого, которые удивительно переливались и колыхались при ходьбе, словно девушка была погружена в морские волны, пронизанные светом. Но главная деталь этого тщательно продуманного в своей изысканной простоте туалета — золотой браслет — должна была оставаться в центре внимания. Это было единственное украшение. Оно отягощало тонкую руку Зонары и удивительно гармонировало со всем ее обликом.

Довольная полученным результатом, Зонара потребовала носилки и отправилась к Териване. Она была уверена в своем сегодняшнем успехе.

* * *

Дом Териваны светился огнями. Супруг ее, соляной несколько зим назад, и срок траура давно истек. В летние луны Теривана устраивала у себя веселые балы и приемы, карнавалы, роскошные праздники за городом — словом, предавалась всем видам развлечений, какие только доступны богатой женщине, у которой нет любовника. Она родилась в Ианте и была единственным отпрыском трактирной служанки, которая даже не могла назвать отца своей малышки, поскольку этим счастливец мог оказаться любой из постояльцев. Только

исключительная красота и неунывающий нрав помогли ей отыскать дорогу к сердцу немолодого богача, и девушка отплатила ему верностью и даже любовью. Она умела развлечь его. У нее всегда было хорошее настроение. Торговец солью до конца дней своих благодарил себя сделанным выбором.

Он купил таверну, где родилась его жена, и снес ее, разбив на этом месте красивый парк, который подарил городу. Он добился, чтобы из Ианты выслали, придравшись к пустачному правонарушению, бывшего владельца этой таверны, а также всех его родственников и даже двух старых завсегдатаев.

Обычай устраивать маскарады, заведенный при жизни супруга, Теривана поддерживала и после его смерти. Огромный портрет торговца солью украшал ее бальные комнаты, так что усопший как бы присутствовал при всех увеселениях вдовы. Попасть в этот дом считалось весьма престижным. И Зонара отлично отдавала себе отчет в том, что удостоилась этой чести не в последнюю очередь благодаря любопытству, которое она сумела возбудить в здешних дамах своей красотой, таинственными недомолвками и умением танцевать никому не известные танцы (это умение она как-то раз удачно показала в закрытой вечеринке).

Когда Зонара прибыла, бал уже был в разгаре. От музыки содрогался большой особняк, слуги сновали взад-вперед, разнося угощение, а в саду кружили пары и вдали, на небольшой сцене, разыгрывалось изящное мимическое представление: некая пастушка вызывала повышенный интерес со стороны роскошно разодетого господина, и юные девушки, изображающие овечек, с бантиками на шее, всячески мешали господину осуществить его намерение, и он ти дело вынужден был ловить их и относить подальше к краю сцены.

Зонара весело смеялась, следя за этим спектаклем. Несколько раз ее толкнули танцующие, и она рассеянно извинялась. Впрочем, на этом балу у всех было хорошее настроение, и никто ни на кого не обижался. Зонара взяла с подноса кубок и поднесла к губам. Она знала, что сегодня произведет сильное впечатление на окружающих.

И даже поняла, как.

Отставив кубок наполовину недопитым, Зонара пробралась к краю сцены и вдруг ловким гибким прыжком оказалась среди танцующих артистов. Она решила изобразить соперницу пастушки, и это ей, видят боги, удалось! Танцор, игравший роль соблазнителя, оказался отличным партнером. Он сразу понял, какую роль взяла на себя незнакомка, и подыграл ей. Он внезапно оставил пастушку среди верных овечек и начал кружить вокруг Зонары. А та то простирала к нему руки, то отбегала, а затем проделала несколько акробатических номеров. Когда Зонара медленно становилась на голову, ее ноги обнажились, мелькнули пышные полупрозрачные ткани ее одежд, но длилось это лишь мгновение, и вот уже девушка стоит на коленях, запрокинув голову, так что волна волос лежит на ее спине и пятках. «Соблазнитель» метнулся к ней и встал так, что она оказалась плененной между его расставленных ног. Он взмахнул руками, и оба повалились на сцену, сплетясь в объятиях. Гром аплодисментов означенвал окончание представления. Овечки и немного обиженная пастушка окружили Зонару. Она смеялась и пожимала их пальцы, уверяя, что вовсе не хотела испортить представление.

— Вы его и не испортили, — сказала пастушка. — Напротив, оно стало только лучше.

На щеках танцовщицы горел румянец. Зонара ласково провела рукой по ее лицу.

— Милая, поверьте, вы так прелестно танцевали, что я вам позавидовала, вот и не удержалась...

— А вы — гимнастка! — сказала девушка, немного успокаиваясь. — Я это сразу поняла, как только вы вскочили на сцену. Обычная танцовщица делает это по-другому.

— Вы правы, только не стоит рассказывать об этом всем и каждому, — кивнула Зонара. — Кто разбирается в таких вещах — сам поймет, а прочим вовсе незачем знать, как я зарабатывала себе на хлеб, когда была помоложе.

— Вы и сейчас молодая, — ревниво сказала танцовщица. Танцор обнял ее и привлек к себе.

— До свиданья, госпожа, — обратился он к Зонаре. — нам нужно отдохнуть и переодеться.

Пастушка благодарно прильнула к нему, а Зонара поспешила скрыться. В конце концов, ей совершенно не хотелось расстраивать отношения между этой парой! Танцоры превосходно подходили друг к другу.

Она нашла свой кубок там, где оставила его, — то есть под деревом. Туда успел упасть маленький жучок, и Зонара помогла ему освободиться.

— Лети, пьянчуга, — обратилась она к насекомому, выпуская его на волю.

— Вот вы где, проказница! — послышался женским голос. Перед Зонарой стояла сама госпожа Теривана. Это была еще молодая женщина, рослая и статная, в знаменитой соляной диадеме и платье из темного тяжелого шелка, так богато расшитого жемчугами и золотыми бусами, что оно топорщилось, что придавало хозяйке дома некоторую монументальность и немного скрашивало ее молодость. Зонара оценила ее манеру создавать образ. Как истинная артистка, Зонара ценила в других людях чувство стиля.

— Вы очаровательны, — объявила Теривана. И чуть коснулась руки Зонары. — И превосходно разбираетесь в украшениях.

— Благодарю, — Зонара чуть наклонила голову, а когда она выпрямилась, Териваны уже не было.

Не забывая себе голову причудами хозяйки столь богатого и роскошного дома, Зонара принялась веселиться. Она танцевала, кружила головы мужчинам, пила и даже показала маленький танец по просьбе тесного кружка восхищенных ею мужчин и женщин.

И только к самому концу вечера, когда Зонара уже направлялась к своим носилкам, ее остановили два буднично одетых и хмурых человека.

— Этот браслет у вас на руке — украден, — объявил один из них.

— О чем вы говорите! — возмутилась девушка, тщетно выдергивая руку из железной хватки блюстителей закона.

— О краже — невозможно сказал второй. — Вы украли этот браслет у Териваны. Кража была совершена несколько дней назад. И у вас хватило наглости явиться к ней на бал! Да еще надеть браслет! — послушайте, если бы я украла эту вещь, разве стала бы я надевать ее на бал? — возмутилась Зонара. — Подумайте сами!

— Госпожа Теривана опознала свою вещь и вызвала нас, — сказал первый стражник. — вы пойдете с нами в тюрьму. Впоследствии все разъяснится. Если не вы, то тот, кто с вами общается, — вор. А с ворами в Ианте разговор короткий.

— С ворами везде разговор короткий, — проворчала Зонара, сдаваясь. — Другое дело, что найти их и вступить с ними в этот разговор — дело долгое... Она крепко надеялась на Конана. Услышав о том, что ее схватили и собираются отрубить ей правую руку, киммериец что-нибудь придумает. Кроме того, оставалось еще уповать на здравый смысл. Она скажет, что получила браслет в подарок от поклонника. В конце концов, воровка действительно не надела бы краденую драгоценность, отправляясь в дом, откуда она была украдена! Уж это-то должны признать местные судьи...

* * *

Когда этой ночью Зонара не появилась в заброшенной усадьбе, Конан не беспокоился. Он хорошо знал свою подругу. У нее постоянно менялось настроение. К тому же Зонара могла влюбиться и остаться в доме у какого-нибудь местного красавца. А то и пригласить к себе, в роскошную опочивальню, ошастливленного простолюдина.

Зонара считала истинным аристократизмом умение мужчины вести себя в постели и в определенных случаях мало интересовалась происхождением и богатством очередного избранника.

У киммерийца имелись собственные заботы. Он отслеживал крыланов. Конан не сомневался в том, что рано или поздно эти странные летучие существа появятся в саду.

Конечно, имелась неприятная возможность, что существа эти бессмертны или, во всяком случае, обладают достаточным долголетием, чтобы отложить свой очередной визит в заброшенную усадьбу на столетие-другое. Но эта возможность, по мнению варвара, была невелика. Скорее всего, крыланы скоро заявятся снова, либо с новой добычей, либо для того, чтобы забрать украденное.

И вот тогда настанет черед Конана удивлять. И уж он удивит, можно не сомневаться! Он выскочит из засады, схватит за горло хотя бы одного из них и задаст ему несколько вопросов. И пусть только попробует это нелепое создание — будь оно даже демоном из черных глубин преисподней! — не ответить варвару! Однако все случилось далеко не так, как запланировал Конан.

Зонара по-прежнему не давала о себе знать, хотя прошло уже несколько дней с того момента, как они расстались. Что ж, Конан мысленно желал ей удачи с новым любовником.

На четвертый день, соскучившись сидеть в одиночестве, Конан предпринял вылазку в Ианту. Он побродил по городу, заглянул в нескоро кабаков, где по случаю раннего времени было еще пусто, а затем приблизился к дому Зонары. Неожиданно парадная дверь распахнулась, и из особняка выскочил дворецкий.

С почтенным пожилым слугой произошли разительные перемены. Его прежде гладко причесанные волосы торчали дыбом, глаза выпучились и бессмысленно вращались в орбитах, а одежда явно позабыла свое бывшее тесное знакомство с платяной щеткой и влажной губкой.

— Это ты! — гневно выдохнул дворецкий. Он схватил Конана за руку и втащил его в дом.

Конан, наполовину забавляясь, позволил слуге поступать с ним как с провинившимся мальчишкой.

— Ну, я, — протянул он лениво. — Госпожа Зонара позволяет мне гулять по городу, пока у нее другие развлечения...

К глубочайшему изумлению Конана, дворецкий внезапно разразился потоком слез. Он всхлипывал и вытирал лицо рукой, совершенно как женщина. Варвар даже растерялся.

— Что случилось? — спросил он грубовато. — Неужели с госпожой беда?

— Я не виню тебя, — вздохнул дворецкий горестно. — Правильнее всего было бы мне уйти отсюда, поскольку почтенному человеку, даже если он и находится в услужении, не стоит жить рядом с воровкой...

— Госпожа Зонара оказалась воровкой? — потрясенно просил Конан. Сам того не замечая, он сделал ударение на слове «оказалась». В самом деле! Его, естественно, ничуть не удивил сам факт воровства — у Зонары это, можно сказать, в крови. Но — так явно обнаружить свою склонность тянуть в карман золотые безделушки! Неужели она допустила эту ошибку? Сама ведь говорила, что не пакостит там, где собирается отдохнуть некоторое время от тягот кочевой и воровской жизни!

Нет, это решительно не укладывалось у Конана в голове.

— Что случилось? — требовательно спросил он у дворецкого и чуть встряхнул растерянного старика за плечи. — Я понимаю, что ты по-своему, по-стариковски влюбился в госпожу, что ты боготворил ее и потрясен ее поступком... Ну так расскажи мне об этом поступке!

— Не потрясен я... поступком, — вздохнул дворецкий. — Тем, что с ней сделают...

— А, ты начинаешь мне нравиться, бойкий старикан! — сказал варвар. — Стало быть, мне не нужно тебе рассказывать о тяжелом детстве госпожи, о ее прекрасном, но несчастном характере... И вообще, тебя можно не успокаивать на сей счет?

Дворецкий молча кивнул.

— Отлично! — вскричал Конан и направился в роскошный будуар госпожи Зонары. — Принеси-ка нам с тобой вина, фруктов и какой-нибудь ветчины... Есть в доме ветчина? И хлеб?

— Свежие лепешки, — вздохнул старик. — Я покупаю их каждый день для госпожи Зонары. Отношу ей в узилище.

— Ими лакомятся стражники, — заявил Конан. — Вот уж в чем я не сомневаюсь. Они считают тебя дураком. И не без оснований. Тащи все сюда и немедленно! Я отказываюсь разговаривать без доброй трапезы.

Старик вздохнул и подчинился. Конан тем временем развалился на мягкой софе Зонары, вдыхая запах ее духов, весьма дорогих и крепких (опытный в подобных делах киммериец сразу определил, что духи привезены из Аренджуна). Он даже попытался подражать расслабленной позе своей подруги, в чем, впрочем, преуспел весьма мало. Слуга поставил на низенький столик из резного орехового дерева несколько блюд и кувшин вина.

— Садись, — кивнул ему Конан, сразу схватив персик и засунув его в рот.

— Персики были привозные — в Ианте они еще не успели. Ну, Зонара! Ну, транжира! Где же она так нажилась? Не иначе, обокрала целый караван! Дворецкий присел на краешек кресла и робко взял лепешку белого хлеба.

— Что случилось? — спросил Конан с набитым ртом. По его подбородку стекал сладкий сок. Конан убрал с лица черные спутанные волосы, чтобы они не испачкались липким соком.

— Госпожа Зонара отправилась на большой бал к госпоже Териване... Госпожу Теривану, если тебе это неизвестно, варвар, недавно обокрали. Кража была дерзкой и очень странной.

— В каком смысле — странной? — не понял Конан. — Обокраденному дурачку любая кража представляется чем-то сверхъестественным, да будет тебе это известно! Вечные причитания: «Ах, я ничего не почувствовал, а кошелек куда-то подевался...»

— Дворецкий глянул на Конана с известным подозрением, но варвар ответил невозмутимым взглядом холодных синих глаз.

— Продолжай, — произнес он с глубочайшим достоинством.

— Дворецкий поглядел на лепешку, которую держал в руке, с таким видом, будто никак не мог вспомнить, что это за предмет и как он оказался у него на ладони. Затем заставил себя говорить.

— Видишь ли, у госпожи Териваны пропали драгоценности. Они лежали в ее опочивальне, рядом с портретом ее покойного супруга, который и подарил ей все эти безделушки. Она очень дорожила ими. Это и понятно. Госпожа Теривана глубоко чтит память своего мужа. У нее есть для этого, поверь мне, все основания.

— Ничего странного, — снова сказал Конан. — Конечно, немного непривычно, чтобы женщина уважала мужчину за те благодеяния, которые он ей оказал. Я в том смысле, что благодарность вообще не в привычках женщин...

Дворецкий двинул бровями в разных направлениях, как бы показывая, что сильно сомневается в правоте конановых слов, а после продолжил повествование:

— Войти в комнату, где находились сокровища госпожи, так, чтобы миновать стражу, нескольких служанок, доверенную камеристку и саму госпожу — невозможно. Теривана подробно рассказывала об этом городской страже, и теперь об этом известно всему городу.

— Подожди, — перебил Конан, — а как выглядели драгоценности, с которыми поймали Зонару?

— Она имела дерзость явиться на бал к госпоже Териване с украденным браслетом.

— Из массивного золота? С изумрудами и рубинами? — уточнил Конан, внутренне холодея. Он и не догадывался, что Зонара в состоянии явить такую неслыханную глупость! Прийти на бал в браслете, чье происхождение до сих пор оставалось невыясненным! Тщеславная дура и ничего больше! Его уважение к старой своей сообщнице резко упало.

— Откуда тебе известно, как выглядит этот злополучный браслет? — старый дворецкий сощурился.

— Ну, об этом судачит весь город, — уклончиво проговорил Конан, однако дворецкий

перебил его:

— Город, может быть, и судачит, но ты даже не знал о том, что госпожу Зонару взяли под стражу!

— Ладно, — сдался Конан, — коль скоро мы оба хотим выручить Зонару из дурацкой переделки, в которую она попала по собственной глупости, расскажу тебе кое-что, старик. Этот браслет подарил ей я.

— Боги! — дворецкий всплеснул руками. — Я так и знал, что ее впутали в грязную историю против ее воли.

— Ну, я бы не сказал, что она так уж сопротивлялась моему подарку — ухмыльнулся Конан. — Признаюсь тебе честно, я не впихивал ей этот браслет помимо ее воли...

— Ты должен признаться городской страже, что сам украл этот браслет, — объявил старый дворецкий. — Это единственный способ спасти Зонару от увечья.

Конан зевнул, демонстративно обнажив белые, как у хищного зверя, крепкие зубы.

— Что, ей опять хотят отрубить руку? — спросил он. — Это не в первый раз, уж поверь мне. До сих пор все обходилось.

— Иного способа нет, — повторил дворецкий.

— Ну почему, — возразил Конан, — во-первых, устроить побег. Превосходный способ избежать правосудия. Во-вторых, найти настоящего вора...

— Настоящий вор уже найдет, — твердо сказал старик. — Это ты!

— А вот и нет! — ответил Конан. — Потому что я не пробирался в комнату к Териване, чудесным образом миновав стражу, служанок и доверенную камеристку! Даже я на подобные подвиги не способен. Нет, тут орудовал кто-то, у кого есть крылья...

Дворецкий решил, что Конан над ним насмехается. Он сильно покраснел и встал.

— Влюбленный старик — смешное зрелище, — произнес он, удивительным образом сохраняя чувство собственного достоинства. — Но потешаться над искренним чувством, даже если оно неуместно, — подлость, молодой человек.

— Боги, я и не думал потешаться над тобой! — воскликнул Конан. — Я думал совершенно о другом. Я знаю вора. Точнее, воров. И когда я говорил о крыльях, я имел в виду именно крылья и ничто иное. Эти существа уже проникали в... один сад. Там они спрятали украденное. А я нашел и... подарил один браслет Зонаре. Я счел, что она достойна этой вещи.

— Воистину, она была достойна, — пробормотал дворецкий, окончательно сбитый с толку.

— Была бы достойна, — правил его Конан, — если бы не сделала глупость и не явила украденное перед всеми. Ладно, старик. Сиди здесь и ни о чем не беспокойся. Скоро я приведу сюда твою госпожу. У нее доброе сердце — может быть, твоя преданность и будет вознаграждена.

* * *

Крыланы явились в сад в ту же ночь. Конан тайлся, скрываясь за персиковым деревом, и выслеживал их. Луна уже пошла на ущерб, и серый свет в саду был слабым, однако киммериец хорошо различил три уродливые фигуры, возникшие над краем стены бесшумно и внезапно. Они молча сложили крылья и прыгнули вниз. Конан задержал дыхание, чтобы никак не выдать себя.

Если они попытаются выкопать то, что спрятали в саду прежде, они поймут: здесь кто-то побывал. И тогда одна надежда — на быстроту реакции и силу киммерийца. Ему придется напасть на троих и схватить хотя бы одного. Трудная задача: удерживать крылана, одновременно отбиваясь от двух его собратьев. Трудная, но не невыполнимая. Конан надеялся, что вынужденный прибегнуть к этому плану, он справится.

Однако, к счастью, пускаться на крайние меры не пришлось. Крыланы опять явились с добычей. Негромко переговариваясь, они выкопали новую яму и опустили туда небольшой

окованный серебром сундучок. В лунном свете серебро сияло так, словно радовалось родственным лучам. Затем его забросали землей, и сияние потухло.

Один из крыланов неожиданно проговорил:

— Мы почти закончили, братья. Осталось совсем немного.

Прочие закивали. Их глухие голоса звучали в ночном саду зловеще, точно уханье филина.

Затем второй сказал:

— Я устал.

— Что же мешает нам отдохнуть? — возразил третий. — Я предлагаю навестить госпожу Ганеиду. В ее заведении много покладистых девочек.

— Никаких подарков! — решительно произнес первый крылан. — Если в Ианте узнают, что мы...

— О чем ты? — удивился его собрат. — Естественно! У нас достаточно денег, чтобы заплатить Ганеиде за ее красавиц, и еще хватит на добрую выпивку. Ты прав, нам нужно расслабиться. Я не сплю уже четвертую ночь и днем мне тоже нет покоя.

— Тебе страшно? — тихо спросил первый крылан. Второй молча кивнул, а третий прошептал:

— Вы правы, вы правы, братья... Но скоро всему этому придет конец.

Они расправили крылья и тихо взлетели над стеной.

Конан, не пропустивший ни слова, пробормотал себе под нос:

— Ганеида... Ну надо же!

* * *

Заведение госпожи Ганеиды размещалось почти в самом центре Ианты. Это был дорогой бордель, который выглядел как вполне респектабельная гостиница для путешествующих купцов и караванщиков. Здесь можно было снять дорогой номер с красивым видом на дворец, заказать изысканное блюдо... а также попросить, чтобы одиночество состоятельного постояльца разделила какая-нибудь ласковая красавица. Желательно, пухлая блондинка. Или крепкая брюнетка. Или рыжеволосая озорница. У Ганеиды был большой выбор.

Именно сюда и направлялись таинственные крыланы. И именно в это заведение держал путь Конан-киммериец. Конечно, выглядел варвар отнюдь не так, как обычно выглядят завсегдатаи заведения госпожи Ганеиды. Ни тебе роскошных одежд, ни изысканных манер. Однако что-то в том, как он держался, заставило стражника у входа впустить странного клиента, а госпожу Ганеиду, сидевшую в гостиной в мягких креслах, — подняться ему навстречу с любезной улыбкой.

Потому что у киммерийца имелась при себе значительная сумма. И опытные в своем деле люди сразу поняли это.

— Чем могу помочь дорогому господину? — заговорила Ганеида, шурша ароматными шелками.

Она была уже не очень молода, но все еще привлекательна, и демонстрировала эти остатки привлекательности с искусством, которое у Конана — ценившего профессионализм в любой области — вызвало глубокое уважение.

— Для начала господин хочет выяснить, насколько он дорогой, — заявил Конан, бесцеремонно плюхаясь в то кресло, где только что нежилась хозяйка заведения.

— Это зависит от истинной стоимости господина, — ответила Ганеида тонко.

— Пять золотых сейчас, пятнадцать — девушке и личный подарок госпоже — от меня, когда я буду уходить, — прямо брякнул Конан. Ганеида чуть поморщилась.

— Разве так разговаривают в изысканном обществе! — укоризненно молвила она и

чуть шлепнула Конана по руке. — Ах вы, неотесанный варвар! Вашим воспитанием займуться мои девушки. Какие вам по душе?

— Все равно, — сказал Конан. Потом подумал и, видя разочарование на лице собеседницы, добавил: — С пышными бедрами.

Ганеида хлопнула в ладоши, и тотчас несколько полуодетых красавиц выбежали на ее призыв. Все они принялись вертеться, демонстрируя свои прелести. Конан глядел на них ледяными глазами и думал о своем. Затем он протянул руку, выбирая первую попавшуюся. Остальные исчезли, как по волшебству.

— Здесь есть другие постояльцы? — спросил он хозяйку.

— Это же гостиница, — удивилась она. — Конечно, в ней живет немало постояльцев.

— Я спрашиваю об особенных, — пояснил варвар и выложил перед Ганеидой десять золотых кружков. Она посмотрела на них с таким видом, словно не вполне соображала, для чего эти странные предметы предназначены. Затем перевела взгляд на странного собеседника.

— Я — особенный клиент, не так ли? — сказал Конан.

— Несомненно! — кивнула Ганеида. — Впрочем, у нас особенных бывает немало... Мое заведение само по себе отличается изысканностью и эксцентричностью, так что среди моих гостей встречается большое количество людей, которые также не вполне подходят под обыденные...

— Хватит, хватит, — поспешно перебил варвар. — Я все равно ничего не понимаю из вашей болтовни, добрая хозяйка, так что не тратьте на меня свое красноречие. В общем, я так понял, особенных гостей много.

— В общем и целом — да, — сказала Ганеида, аккуратно прибирая золотые монеты.

Пышнобедрая девица присела на колено к Конану и обвила руками его могучую шею. Она принялась было шептать ему на ухо разные нежности, но он небрежно отмахнулся от нее и продолжил беседу с хозяйкой:

— Будем точны, госпожа Ганеида. Я хотел бы увидеть трех странных невысоких людей. Совсем странных. Они похожи на мужчин, надо полагать, но не вполне мужчины... Проклятье! Не знаю, как сказать. Я видел их только ночью, мельком, но мне просто необходимо разыскать их.

— Так уж необходимо, — протянула Ганеида.

— Иначе пострадает моя подруга, — объяснил Конан. — Согласен, ее моральные устои не так тверды, как хотелось бы. Но что сделать! Она начинала почти как эти милые девушки, только ей не посчастливилось повстречать столь заботливую хозяйку.

— О, да вы сами горазды расточать перлы красноречия! — засмеялась Ганеида. Но она была польщена и даже не попыталась этого скрыть. — Пожалуй, я помогу вам, — добавила она задумчиво. — Сдается мне, вы и без меня их отыщете, переколотив всю посуду и переломав всю мою прекрасную мебель. Так что лучше уж я покажу вам комнату, которую они сняли. А вы в ответ на мою любезность постарайтесь уж свести разрушения к минимуму.

— Договорились, — сказал Конан и положил ей в руку кошелек, набитый серебром.

* * *

Они были там. Конан увидел их в замочную скважину. Он и сам толком не знал, как должны выглядеть эти странные крыланы. Однако сразу узнал их, едва они предстали его взору.

То были трое горбатых старичков. Их маленькие лица, сморщенные, сплошь покрытые морщинами, озарялись взором больших, широко раскрытых глаз. Эти глаза особенно удивляли — желтоватые, с вертикальным кошачьим зрачком, который в темноте расширялся и позволял видеть в почти непроглядной мгле. Тонкие слабые ручки суетливо ласкали девиц, смеявшихся от щекотки. Волос на их головах почти не было — несколько седых завитков на макушке, и все. Горбатые тела выглядели нелепо и жалко.

Девушек рядом с ними оказалось целых пять — старички не поскупились договариваясь с госпожой Ганейдой. И, судя по тому, какими довольными выглядели девицы, клиенты не были слишком требовательными и платили щедрой рукой. Одна девушка разливала вино, выплескивая по несколько капель в широко раскрытые рты клиентов. Те смеялись и кашляли, а красные капли стекали по их подбородкам. Другая красавица танцевала, то закрывая обнаженное тело полупрозрачным красным покрывалом с золотым шитьем, то вдруг сдергивая его и позволяя зрителям любоваться ее наготой.

Остальные три красотки держали старичков у себя на коленях и поглаживали их затылки и плечи.

Конан вдруг почувствовал, что они ему даже нравятся. Несмотря на то, что старички эти были откровенными уродцами, в них не было той скрытой порочности, которая обычно отличает людей, связанных с магией и злом.

Но отступать было уже поздно. Он должен выручить Зонару, иначе ей грозит большая опасность. Конан, конечно, не сомневался в том, что его находчивая подруга выкрутится и на сей раз, однако если варвар не окажет ей всевозможной помощи, у нее будут очень большие жизненные сложности.

Конан ударил в дверь ногой и ворвался в комнату.

Девушки завизжали. Та, что была с покрывалом, закрылась с головой и метнулась к выходу, но налетела на грудь варвара, твердую, как скала, и с визгом бросилась обратно. Та, что разливала вино, уронила кувшин и забрызгала все вокруг. Старички завертели на коленях у красавиц, увидели того, кто вторгся в их маленький рай, и решили бежать. Один за другим они с шумом расправили крылья и выпрямили спины. Две девушки упали в обморок при виде этого зрелища. Остальные бросились бежать. Конан позволил им покинуть комнату.

Один из старичков уже вылетел в окно. Он завис в воздухе, ожидая братьев. Второй бился, зажатый в железной хватке Конана, а третий все время нападал на него, пытаясь высвободить брата.

Тщетные усилия. Конан навалился на крылана всем своим массивным телом и сдвинуть его с места не представлялось возможным.

— Тихо! — внезапно гаркнул киммериец. — Ты! — он указал на крылана, парившего возле окна. — Немедленно в комнату! Хочешь, чтобы вся Ианта про вас узнала?

Крылан, чуть помедлив, подчинился. Неизвестно, что оказало на него большее воздействие: решительный тон варвара или правота его слов, но вскоре в комнате собрались уже все трое крыланов.

Второй прекратил бесполезные атаки на варвара и бессильно уселся на полу, раскинув крылья по обе стороны от тщедушного тельца. Конан наконец поднялся, освобождая примятого крылана.

— Поговорим спокойно, — предложил он, закрывая окно. — Жаль, все вино разлили. Ну да ладно, ситуация сама по себе бодрящая и пикантная, не хуже вина.

— Кто ты такой? — сипло спросил помятый крылан.

— Меня зовут Конан, — охотно представился киммериец. — Я родом из Киммерии, хотя давно там не бывал. Путешествую по миру. То тут, то там...

— А чем ты занимаешься, когда вот так путешествуешь?

— Везде что-нибудь да подвернется, — уклончиво ответил киммериец. — В мире много простофиль. Среди богачей их, правда, поменьше, но тоже встречаются...

— Ты вор?

Прямой вопрос второго крылана ничуть не удивил и не обидел Конана.

— Иногда, при случае, — кивнул киммериец. — Я поселился в одной заброшенной усадьбе на краю Ианты... Старички в ужасе переглянулись.

— В заброшенной усадьбе? — залопотали они. — На краю Ианты? Там такая высокая стена? И есть несколько гранатовых деревьев, которые до сих пор плодоносят?

— Кто показал тебе это место? — наконец спросил его первый крылан.

— Я вас не выдам, — поспешил успокоить их Конан. — Наоборот. Мне нужна ваша помощь. Я просто стараюсь побыстрее рассказать о том, что мне известно.

— Ты нашел наши сокровища? — спросил крылан. Его братья побледнели, их кожистые крылья повисли — у обычного человека так опускаются плечи, когда он сильно огорчен.

— Именно, — подтвердил Конан. — У вас очень хороший вкус. Только вы не разбираетесь, у кого крадете. Теривана, та дама, которую вы обокрали в последний раз, — очень могущественная и известная в городе личность. Обижать ее не следовало. Я этого, естественно, не знал. Просто увидел красивые побрякушки, дорогие и изящные, и утащил их. Ну, я же вор, как вы помните. А потом еще имел глупость подарить один из браслетов своей подруге. Та — девушка тщеславная.

— Я что-то слышал, — заметил один из крыланов. — Графиня... или баронесса... Какая-то знатная дама!

— Знатная! — фыркнул Конан. — Она такой же жулик, как и я. Ничего не подозревая, нацепила браслет, отправилась на бал к Териване — можно сказать, в самую пасть ко льву полезла. Там она, разумеется, попала на кражу. Результате известен — завтра ей отрубят правую руку за воровство. Ее никто и слушать не желает, хотя все, что она говорит в свою защиту, звучит довольно убедительно.

— Что мы можем сделать для твоей глупой подруги? — спросил тот крылан, что чуть было не скрылся с места происшествия. Он был, как решил про себя Конан, чуть более предприимчивее и сообразительнее остальных.

— Утащить ее из тюрьмы, — ответил Конан. — У меня есть хорошая пилка, чтобы снять решетку. Вы сумеете поднять ее в воздух, все вдвоем?

— Она тяжелая, эта твоя приятельница?

— Не очень... Хотя в последнее время она неплохо питалась, — добавил Конан, желая быть объективным.

— Попробуем, — заявил крылан. — В самом крайнем случае мы ее уроним.

— Давайте уйдем отсюда, — слабым голосом попросил примятый крылан. — Мне что-то дурно...

— Можно отправиться в усадьбу, — предложил Конан. — Очень уютное место. Вы хорошо там все устроили, — похвалил он крылатых братьев. — Заодно расскажете мне все остальное. Только не улетайте, не бросайте меня. Иначе мне придется устроить на вас охоту и вылавливать сетью по одному, а это может повредить ваши нежные крылья.

* * *

— Этот дом когда-то принадлежал нашей матери, — начали рассказ крыланы. — Ты у нас в гостях, киммериец...

...Девушку звали Клеуфа, и она была молода и хороша собой. Она родилась далеко от Ианты, в Шадизаре, городе, созданном для того, чтобы творить сказки. Ее семья была богата. Родители баловали дочь, как только могли. Она была поздним, долгожданным ребенком — настолько долгожданным, что никто не был разочарован появлением на свет девочки, хотя, конечно, отец предпочел бы сына. Что ж, дочь — тоже прекрасно. Клеуфа ни в чем не знала отказа. Ее мать умерла вскоре после рождения дочери.

Как выяснилось, причина столь долгого бесплодия заключалась не в матери, а в отце Клеуфы. Женщина так любила своего супруга, что скрывала от него это обстоятельство, и все стало явным только после того, как он взял себе новую жену. Никаких детей на свет больше не рождалось. В конце концов, Клеуфа осталась единственной наследницей огромного состояния.

Избалованная, красивая, богатая — она была лакомым кусочком для многих шадизарских женихов, но отец всех их отвергал, одного за другим, находя неподходящими для своей великолепной дочери. И тут произошло одно событие, которое полностью

перевернуло жизнь юной девушки. Клеуфа узнала некоторые обстоятельства своего рождения. Как-то раз, поздно вечером, незнакомая служанка доставила ей письмо. Клеуфа, для которой отец не жалел ничего, в том числе и денег на учителей, могла читать и потому никто, кроме самой девушки, не узнал содержания этого письма. Ей назначали свидание в городе, в маленькой таверне на окраине Шадизара, куда она должна явиться поздно вечером, в сопровождении единственного доверенного слуги, если хочет узнать некую важную для себя тайну. Любопытная девушка тотчас начала собираться на это свидание. Она взяла с собой немолодого лакея, который знал ее еще с детства, и взяла с него слово, что он ничего никому не скажет. Хорошо изучив нрав юной госпожи, слуга поклялся молчать. Он понимал, что в противном случае она побежит в подозрительную таверну одна, без провожатых, — и тогда только боги могут сказать, что с ней может случиться!

Клеуфа набросила на плечи плащ, скрыла лицо под большим капюшоном, а слуга взял с собой короткий меч и два метательных кинжала. Когда сгустились сумерки, оба выскользнули из дома и по узким запутанным улицам Шадизара отправились в указанную таверну. Клеуфу колотила дрожь, и она все время повторяла: «Это самый важный день в моей жизни...» Напрасно старик пытался успокоить ее, она ничего не слушала. Глаза ее горели, как у одержимой, на щеках проступили пятна лихорадочного румянца.

Вот и таверна.

Это было совсем маленькое, незаметное заведение, как бы стиснутое с двух сторон более крупными строениями. Тусклый фонарь, раскачиваясь на ночном ветру, горел перед входом. Как раз в тот миг, когда Клеуфа со своим спутником подходила к таверне, дверь с грохотом распахнулась, и какой-то малый с окровавленным, обезумевшим лицом вылетел оттуда и рухнул на улицу, забрызгав Клеуфу грязью. Она в ужасе отскочила в сторону, теснее кутаясь в свой плащ.

— Вот видишь, моя госпожа, куда нас завело любопытство, — с укоризной обратился к ней старый слуга. Но девушка решительно тряхнула головой и ступила на порог.

Старику ничего не оставалось, как безропотно последовать за ней. В таверне было душно и дымно. Странные личности трясли стаканчиками с игральными костями. Здесь собирались нищие, которые проигрывали друг другу подаяние, выпрошенное за день у шадизарской публики; воры, обсуждающие прежние дела и намечающие новые; торговцы живым товаром... Оказавшись в подобном месте, девушка замерла в растерянности. Несколько жутких рож уже обратились к ней, вонючие беззубые рты растянулись в алчных ухмылках. Со всех сторон на Клеуфу пялились вытекшие глаза, шрамы — настоящие и искусственные, хищные пасти; к ней тянулись загребущие лапы...

Она тихо вскрикнула и поднесла ладони к лицу.

— Оставьте ее, — промолвил тихий голос, звучавший откуда-то из самого темного угла таверны. — Первый, кто посмеет к ней прикоснуться, крепко пожалеет об этом!

Клеуфа украдкой взглянула в темный угол, но никого там не заметила. Этот человек либо очень хорошо прятался, либо — от одного только предположения Клеуфа содрогнулась всем телом — вообще был невидим.

У завсегдатаев таверны угроза вызвала общий хохот.

— Ну надо же! — завопил один из них, с разорванной верхней губой и прыщавой физиономией. — Пожалеет! О чем это я пожалею, если приласкаю такую красотку? Хо!

И он схватил Клеуфу за плечо. Прикосновение было настолько грубым и наглым, что девушку пронизала дрожь, и она почувствовала, как подгибаются ее колени. Страх, отвращение, острое сожаление о собственной глупости — все эти чувства смешались в ее душе, лишая Клеуфу последних сил. Она уже не сомневалась в том, что сейчас старый слуга обнажит меч в последней слабой попытке защитить юную госпожу и будет убит этими головорезами, а ее саму украдут и продадут в рабство. И отец никогда не узнает, где искать свою дочь, потому что письмо, которым ее вызвали на свидание, она забрала с собой.

Но тут случилось нечто, напугавшее Клеуфу еще больше, чем перспектива быть

проданной в рабство. Неожиданно негодяй закричал от боли и ужаса и выпустил Клеуфу. Его тело охватило пламя. Мгновение еще он корчился, а затем замолчал и упал на пол таверны. Тело его продолжало пылать, пока наконец от негодяя не осталась кучка стремительно остывающего пепла.

Все прочие шарахнулись в стороны и прижались к закопченным стенам таверны. Клеуфа закрыла глаза. Теперь ей уже было все равно. Страх завладел всем ее существом.

Старик-слуга, держась за сердце, медленно опустился на лавку и допил чье-то вино. Никто даже не возражал, до такой степени все были перепуганы.

И вот в этой тишине послышался смех. Некто невидимый, скрывавшийся в углу, радостно хохотал и хлопал в ладоши.

— Я же вас предупреждал, глупцы! — вскричал он и выступил на свет, слов но бы появляясь из ниоткуда. — Эта девушка находится под моим покровительством, и я никому не советую тянуть к ней загребушие лапы.

С этими словами он приблизился к Клеуфе и осторожно взял ее за подбородок. На него смотрело девичье лицо, такое чистое и юное, что сердце в груди щемило.

— Открой глаза, дитя мое, — проговорил неизвестный, обращаясь к девушке, и она подчинилась.

Клеуфа увидела незнакомца, смуглого, горбоносого, с пронзительными черными глазами. Он был еще довольно молод и, если отвлечься от странного выражения его глаз, весьма хорош собой. Смущали только эти глаза. Они смотрели цепко и зло, как будто прицеливались: что присвоить, кого убить. Клеуфа вдруг поняла, что перед ней человек, который никогда не останавливается перед препятствиями. Ни человеческие страдания, ни совесть, ни страх перед неизбежным возмездием богов или людского правосудия — ничто не сдерживает его порывов. Он знает, чего хочет, и всегда добивается своего.

Это и пугало, и завораживало, ибо Клеуфа и сама любила получать то, на что положила глаз.

— Меня зовут Динифий, — сказал незнакомец бархатным голосом. — А ты Клеуфа... Этот человек с тобой?

Он указал подбородком на старого слугу. Клеуфа была так потрясена всем случившимся, что только кивнула в ответ.

— Итак, мы трое отправляемся из этой таверны ко мне домой, чтобы спокойно поговорить, — объявил он. — А то здесь как-то суетливо. — Он огляделся по сторонам, толкнул ногой гостку пепла и рассеял ее по полу. Старый слуга поднялся с лавки и потащился за своей госпожой. Он понимал, что она находится в смертельной опасности, но и сам был настолько перепуган, что никак не мог сообразить: как ему поступать дальше. Дом, в который Динифий привел своих гостей, находился ближе к центру Шадизара. Возможно, подумала Клеуфа, он нарочно назначил встречу в этой ужасной таверне, чтобы с первого же мгновения поразить своей колдовской мощью, а теперь, когда Клеуфа получила достаточно сильные впечатления от своего нового знакомого, с ней можно разговаривать. Так оно и было. Внутри дом оказался чистым и даже богатым. Шелковые и бархатные занавеси, резные ларцы и десятки ковров, на которых можно сидеть, украшали комнаты, а в нишах на стенах стояли многочисленные кувшины с причудливыми узорами.

Девушка с облегчением рухнула на ковер и потянулась за бокалом чистой воды. Хозяин дома следил за ней с улыбкой.

— Пей, дитя мое, — молвил он, — ты сегодня достаточно волновалась.

— Прости меня, господин, — заговорила Клеуфа, утолив жажду, — но ты изрядно меня перепугал, и я подозреваю, что сделано это было нарочно.

— Ты права, — сознался Динифий, — я хотел произвести на тебя впечатление. Пусть твой слуга снимет обувь и отдыхает, пока мы разговариваем. — Станный тяжелый взгляд Динифия остановился на старике. — Садись, добрый человек, у входа. Если хочешь, слушай, если не хочешь, спи.

К удивлению Клеуфы, старый слуга, всегда такой бдительный и внимательный, тотчас положил голову на ковер и тихонько захрапел. Возможно, колдун усыпил его магической силой, подумала девушка. Но, с другой стороны, слуга действительно устал за сегодняшний день. Надо было взять с собой кого-нибудь помоложе, мелькнуло в голове у Клеуфы.

Колдун, внимательно наблюдавший за ней, негромко рассмеялся.

— Здесь заснет любой, если я прикажу, — молвил он, и Клеуфа поняла, что он читает ее мысли.

— В таком случае, скажи мне, господин, для чего ты позвал меня в гости, — сказала она. — Видишь, я выполнила все твои условия. Теперь твой черед.

— Я расскажу тебе обстоятельства твоего рождения, — начал Динифий. — Ты думаешь, что я молодой человек, но на самом деле мне уже несколько сотен зим. Колдовская сила не позволяет мне состариться. Я владею многими чарами. И одно из моих великолепных умений связано с чадородием. Я могу давать детей женщинам, чье лоно не может зачать.

— Но дело было не в моей матери, — сказала Клеуфа. — Я узнала это от служанок моей мачехи, новой жены отца. Причина бесплодия заключалась в отце.

— Я знал это с того самого мгновения, как твоя покойная мать явилась ко мне, под покровом ночи, в сопровождении старой кормилицы, — почти как ты сегодня, — продолжал колдун, пристально глядя на девушку. Его голос звучал завораживающе, он, казалось, проникал в самые глубины ее сердца. — Она была безутешна, ибо мечтала подарить своему супругу наследника. И тогда я заключил с ней сделку.

С помощью моих чар я сделаю так, что ее лоно сумеет принять бессильное семя ее господина и наполнит его жизнью. Но дитя, рожденное от этого союза, рано или поздно должно будет связать свою жизнь с магией. Время пришло. Теперь ты здесь, дитя мое, теперь ты пришла ко мне и должна будешь оплатить долги твоей матери.

— Она скончалась вскоре после моего появления на свет, — проговорила девушка, едва сдерживая слезы.

— Естественно! — воскликнул колдун. — А чего она ожидала? Ни одна сделка с колдуном не дается человеку даром. За все приходится платить, моя дорогая, а твоя мать захотела слишком многого и цена оказалась очень дорогой. Скажи мне, она осчастливила твоего отца?

Клеуфа решительно кивнула.

— Да, он обожал меня. Он был так счастлив, что забыл даже свою потерю — смерть моей бедной матери...

— Вот видишь! — колдун широко улыбнулся. — Все-таки я сумел подарить радость этому человеку. Мы оба это сумели, твоя бедная мать и я. А теперь... — Тут он надвинулся на девушку и устремил на нее магнетический взор своих глубоких темных глаз. — Слушай меня, красавица. Теперь ты останешься со мной. Я хочу обучить тебя магии. Ты станешь моей подругой. Я обучу тебя всему, что знаю. Хотя я выгляжу молодо, на самом деле я очень стар и дни мои сочтены. Ты станешь моей преемницей. В конце концов, ты — не только дочь своего отца, ты еще и мое творение.

Клеуфа только и могла, что пролепетать:

— Что я должна делать, господин мой?

Вместо ответа он протянул к ней руки и осторожно спустил тунику с ее плеч, обнажая ее до пояса.

Девушка закрыла глаза и запрокинула лицо, подставляя его пламенным поцелуям колдуна.

* * *

Клеуфа не помнила, как очутилась дома.

Ей казалось, что она спала и видела удивительный сон — сон с множеством подробностей. Верный старый слуга не помнил вообще ничего. Поутру он очнулся с сильной головной болью, которая стала началом долгой болезни. Поначалу думали, что старик просто хандрит, но болезнь стала развиваться и скоро он уже не мог подняться с постели.

В предсмертном бреду, плавая в холодном поту и мечась по постели, он, охваченный ужасом, что-то бормотал о демонах из преисподней, о злобном колдуне со сморщенным ужасным лицом, который тянет руки к прекрасной молодой госпоже, о страшной судьбе, которая ждет ее, если она хоть раз, хоть еще один раз выйдет из дома с закрытым лицом и тайком проберется в один жуткий дом, что стоит на окраине Шадизара... Он кричал о человеке, объятom пламенем, о голосе невидимого колдуна, что шептал из угла трактира... Клеуфа несколько раз приходила проведать больного старика. Служанки уговаривали ее не делать этого, потому что бред умирающего делался все более ужасным, однако молодая госпожа их не слушала. Она усаживалась рядом с его постелью и жадно ловила каждое слово. И Клеуфе казалось, что она понимает, о чем говорит больной, о чем он хочет предостеречь ее.

Старый слуга умер на ее руках. В последние мгновения ясность сознания вернулась к нему. Он узнал юную госпожу и улыбнулся ей — последняя улыбка растянула иссохшие, потрескавшиеся от жара губы.

— Клеуфа, молодая госпожа, берегись магии, — проговорил он. — Я любил твою мать, как собственное дитя, и обожаю тебя. Ты очень красива. Бойся магии. Бойся колдуна, ибо часть его семени — в тебе, моя хорошая...

— Я сделаю все как ты советуешь, — произнесла Клеуфа. — Спи спокойно, старый друг.

И слуга, успокоенный, закрыл глаза и погрузился в вечный сон. И в этом сне он видел светлых богов, прекрасных дев и зеленые деревья, а вдали текла сверкающая река, и он снова был молод и красив. И, улыбаясь нежно и весело, он побежал к этой реке, а молодая госпожа стояла вдали, на темном берегу, и прощально махала ему рукой.

Клеуфа не принимала участия в погребальных обрядах. В конце концов, кем был умерший? Простым слугой. Пусть очень старым, заслуженным и верным, но все же слугой. Все помыслы девушки были заняты другим. Колдун успел отравить ее своим ядом. Она думала о магии, о могуществе, которое дает человеку умение управляться с незримыми духами и волшебными зельями. Если она вернется к Динифию, он обучит ее всему, что знает сам. Он относится к ней как к собственной дочери. Он любит ее. Он откроет ей тайны волшебства, и она познает силу и власть над людьми и демонами.

В один ненастный вечер Клеуфа выбралась из дома, закрыв лицо капюшоном, и, таясь, побежала к дому Динифия. Она совершенно не помнила дороги, но — вот чудо! — ноги сами принесли ее к заветному порогу. Низенькая резная дверь отворилась прежде, чем девушка успела постучать — как будто Динифий знал о ее приближении и ждал у входа.

— Это ты! — проговорил он, хватая ее за руку и втаскивая внутрь. — Хвала всем богам и демонам, ты пришла! Я ждал тебя, красавица, я ждал тебя днем и ночью, я плакал — смотри, следы слез по-прежнему остались на моем лице...

Клеуфа взглянула и ахнула: по смуглому лицу колдуна пролегли длинные беловато-розовые бороздки. Он действительно плакал, и его ядовитые слезы выжгли на коже неизгладимые следы. Заметив изумление и ужас девушки, Динифий горько усмехнулся:

— Теперь ты мне веришь?

Да, она верила ему.

Она верила ему во всем.

И когда он обнял ее и повел в свою опочивальню, Клеуфа доверилась колдуну так, как не доверялась прежде ни одному человеку на земле. Его ласки смущали и обжигали ее, ей хотелось бежать от него и в то же время она понимала, что никогда этого не сделает: жгучие прикосновения темных ладоней вносили в ее душу смятение и странную сладость. Время

сделалось тягучим, неопределенным: оно то несло вскачь, то вдруг растягивалось и каждое мгновение прилипало к губам, как сладкая жирная халва, которую так любили в женских покоях отцовского дома.

Девушка закрывала глаза, и ей казалось, будто она находится в таинственном саду, где поют птицы. Эти птицы трогали ее своими тонкими разноцветными перьями, щекотали ее бедра, прикасались к самым интимным частям ее тела, а затем огромная птица, похожая на грифа, вонзила огромный стальной клюв в ее естество, и пролила ее кровь.

Клеуфа очнулась, когда день был уже в разгаре. Она не понимала, что с ней произошло. Она находилась в каком-то саду, в окружении толстых каменных стен. Здесь не было ни входа, ни выхода. Сплошные стены, поднимающиеся высоко в небо. И там, в мутной небесной синеве, горело далекое солнце. Одна из стен отбрасывала тень, и Клеуфа перебралась туда, однако вскоре солнце поднялось в зенит, и тень совершенно пропала. Жар охватил Клеуфу, он сжигал ее тело, и она поняла, что скоро умрет.

Однако шли часы, ничего не происходило, а затем как-то непонятно перед ней оказалось блюдо с водой. Клеуфа приблизила к нему иссохшие губы, и тут блюдо исчезло. Она целовала песок.

Клеуфа села, выпрямилась, огляделась по сторонам. По-прежнему никого и ничего. Она поняла, что скоро умрет.

Спустя бесконечно долгое время появились птицы. Множество птиц, и среди них — гриф с голой шеей и огромным клювом. Воспоминания минувшей ночи пришли на память Клеуфе, и она заметалась по тесному квадрату двора, стремясь скрыться от птиц. Гриф опустился на траву и превратился в мужчину с горбатым носом и смуглым лицом. Он протянул руки к девушке и улыбнулся ей белозубой, ласковой улыбкой.

— Выпей, — прошептал он, протягивая ей кувшин.

Клеуфа схватила сосуд. Он оказался настоящим, и вода в нем была тоже настоящей. Клеуфа пила долго, обливаясь и захлебываясь, она делала короткие перерывы и снова пила... Солнце тем временем скатилось за край стены, и на садик опустилась благословенная прохлада. Колдун наблюдал за ней, ласково щуря глаза. Когда Клеуфа отставила кувшин в сторону, он обнял ее и принялся осторожно снимать с нее одежду.

— Нет, не надо, — бормотала Клеуфа, но руки колдуна делались все более настойчивыми. Когда девушка оттолкнула его, он вдруг рассердился и несколько раз ударил ее. Она заплакала, сидя на траве. Он опустился рядом, сорвал с нее одежду последним быстрым движением и набросился на нее.

Клеуфа не сопротивлялась больше. Она покорилась своей участи. Она поняла вдруг, что полностью находится во власти колдуна, который может делать с ней все, что только захочет.

А он, казалось, наслаждался своей властью над запуганной молодой девушкой. Он то исчезал на несколько дней, и тогда она, страдая от жажды, приникала к странным сосудам, которые то и дело возникали в глухом двореке неизвестно откуда. Странные жидкости утоляли ее жажду и изменяли ее естество. А то колдун возникал перед ней во всей своей красе и ласкал поникшее тело своей пленницы, чтобы затем вдруг обернуться жестоким грифом и начать терзать ее острым птичьим клювом. Он умел гладить и щипать, он дергал ее за волосы, чтобы тут же нежно поцеловать в губы. И все это время не прекращалось действие таинственных чар, призванных преобразить ее природу.

Клеуфа не помнила больше ни своего имени, ни своего происхождения. Она не могла даже вспомнить своего бывшего тела — это новое ничуть не напоминало старое. Ее вновь приобретенное обличье мало напоминало человеческое. Гладкие перья покрывали кожу, волосы сделались длинными, жесткими и густыми, каких никогда не бывает у людей, лицо вытянулось и заострилось, а рот сделался совершенно крошечным. Но она по-прежнему находила странное удовольствие от того, что предалась в полную власть колдуна. Острую сладость причиняли ей страдания, которые он умел доставлять ей, и волной накатывало

наслаждение от его ласк.

Наконец она ощутила, как в ее чреве бьется странное живое существо. Оно обладало собственным бытием и не желало зависеть от Клеуфы. Оно рвалось наружу. Чуть внимательнее прислушавшись к собственной плоти, Клеуфа поняла, что этих живых существ несколько и что они ссорятся и мирятся в ее чреве — словно некие постояльцы, снявшие номер в гостинице.

Это пугало ее. Она хотела поделиться этими наблюдениями со своим господином. Клеуфа никогда прежде не разговаривала с ним. Ни разу после того единственного раза, когда она пыталась сказать ему «нет». Тогда он, кажется, наказал ее. Она не помнила. Но теперь она вдруг поняла, что не может произнести ни слова. Она больше не могла разговаривать. Ее преображенный рот не в силах был исторгнуть ни единого членораздельного звука.

Но Динифий, казалось, понимал все без слов. Он больше не являлся, чтобы терзать ее. Более того, он перенес ее за стену и разместил в прохладных покоях, где было много скользких шелковых покрывал и тяжелые бархатные занавеси. Она все время ела и пила. Она ничем не занималась — только лежала на подушках и отдыхала, а те посторонние существа, что возникли внутри ее естества, вели собственную жизнь и становились все более агрессивными.

* * *

Отец Клеуфы был безутешен. Он нанял лучших сыщиков в Шадизаре, чтобы отыскать свою пропавшую дочь, однако все их усилия ни к чему не привели. Один за другим они возвращались к своему нанимателю и с сокрушенным видом признавались в провале. Дальше всех зашел один из них, нанятый последним. Его звали Канаон. Он сообщил, что девушку, закутанную в плащ, видели возле одной крайне подозрительной таверны. По описанию она подходила, но отец Клеуфы наотрез отказался верить тому, что его дочь могла оказаться в подобном месте.

— Говорю тебе, господин, либо ее заманили туда и продали в рабство, либо она попала во власть одного из здешних колдунов, — заверял его Канаон. — Я слышал, что в наших краях их несколько, но один из них — самый жуткий. Его увлечение — молодые девушки. Он пользуется ими, чтобы ставить свои чудовищные опыты над людьми. Его страсть — преображение человеческой природы. Он ищет способа завладеть такой силой, чтобы можно было преображать не только жизненные обстоятельства — этим, с помощью демонов, занимаются все колдуны — но саму натуру человека.

— Откуда тебе это знать? — поморщился отец Клеуфы.

— Ну, в моей жизни встречались самые разные случаи, — уклончиво ответил Канаон. — Во всяком случае, я советую начать поиски именно в этом направлении.

Неожиданно лицо старого господина омрачилось. Он вспомнил, что перед тем, как зачать, его покойная супруга говорила о каком-то колдуне... Но он тотчас отмел эту мысль как вздорную, заплатил Канаону небольшую сумму и велел больше не беспокоить свою персону разными глупостями. Старик смирился с тем, что дочь его пропала навсегда.

Впрочем, если бы Канаон и преуспел, то вряд ли отец узнал бы свою красавицу дочь, а Клеуфа никогда не признала бы в этом человеке своего отца. Потому что она все больше и больше превращалась в птицу.

И наконец в полнолуние прохладной осенней ночи, ровно в полночь, она разродилась тремя мальчиками. Это были крошечные горбатые младенцы, и у каждого за спиной были слабенькие кожистые крылья. Увидев их, мать утомленно прикрыла круглые птичьи глаза, а потом испустила торжествующий клекот, расправила собственные крылья, покрытые сверкающими перьями, и взмыла в воздух. В последний раз ее силуэт видели на фоне полной луны, огромной, испускающей зловещий кровавый свет, а затем она исчезла.

Она направилась к иным краям и в конце концов осела в Ианте. Некоторое время гигантскую птицу, расхаживающую по окраинам Ианты, видели местные бродяги, пьяницы и купцы, припозднившиеся и потому не успевшие войти в городские ворота до наступления темноты. Затем в тех же краях появился сыщик Канаон. Он следил за колдуном и видел, как из его дома вылетела птица.

Канаон больше не сомневался в своей правоте. Колдун преобразил природу похищенной девушки, и теперь она превратилась в птицу. Он еще больше утвердился в этом мнении, когда сумел выследить Клеуфу и посмотреть на нее вблизи. Огромная птица с печальным, крошечным девичьим лицом и гигантским клювом.

Канаон нарисовал ее портрет — он был недурным рисовальщиком — и вернулся в Шадизар. Обратившись в Ианту он ехал уже с отцом Клеуфы. Старик, несмотря на возраст и недомогания, помчался в Ианту верхом. Он не мог сказать, чего боялся больше — того, что Канаон прав и птица действительно окажется его дочерью, или того, что они не увидят там никакой птицы и поездка окажется напрасной — как оказалось напрасным и многое другое, предпринятое старым господином.

Но птица была на месте. Она сидела на песке и рассеянно озиралась по сторонам. Убитый и расклеванный кролик говорил о том, что она не голодает. Но время от времени какие-то обрывочные мысли приходили ей в голову и смущали ее. Спрыгнув с лошадей, оба мужчины подбежали к преображенной Клеуфе. Отец с рыданием обхватил ее шею. Птица заморгала, несколько раз хлопнула крыльями, но потом успокоилась и положила маленькую головку старику на плечо.

Канаон поспешил убраться оттуда, как только убитый горем отец рассчитался с ним изрядным количеством золота. А старик выкупил участок земли, приглянувшийся его дочери, и выстроил там дом. Он жил рядом с Клеуфой до самого своего смертного часа. Клеуфа ненадолго пережила своего несчастного отца, ведь птичий век короче человеческого...

* * *

Судьба рожденных ею детей, тройни, оказалась весьма непростой и поначалу едва не обернулась трагедией. Сперва их отец, колдун Динифий, недовольный результатом опыта, хотел утопить их в реке и взяться за дело заново с новой женщиной, но затем передумал и, выкормив своих странных отпрысков до трехлетнего возраста, продал в бродячий цирк. Там они выступали под именем «мальчиков-мотыльков», изумляя публику и собирая немалые деньги для своих хозяев. Однако настал день, когда мальчики возжелали свободы. Освободиться же для них ничего не стоило. Хоть хозяева и держали своих дорогостоящих пленников в клетках, во время представления их волей-неволей приходилось выпускать. К ним не привязывали веревок, чтобы зрители не могли сказать, будто почтеннейшую публику надувают и попросту таскают мальчишек по воздуху на веревках. И как-то раз трое братьев-близнецов взмахнули крыльями посильнее и улетели прочь. Они так и не вернулись, хотя их звали назад, умоляли, показывали им лакомые куски, соблазняли барышами...

Некоторое время они вели кочевой образ жизни и перебивались мелкими кражами съестного. А затем произошла одна очень важная встреча, которая перевернула для них все.

Они познакомились с Канаоном.

Ловкий и проницательный сыщик, как это часто случается, не сумел заработать своим ремеслом достаточно денег, чтобы обеспечить себе спокойную и благополучную старость. Поэтому он продолжал наниматься к различным людям, которым требовались его услуги. Чаще всего это оказывались ревнивые мужья, подозревающие своих легкомысленных жен. Канаон выслеживал их с любовниками и, в зависимости от обстоятельств, либо предупреждал женщину о грозящей опасности, либо выдавал ее мужу вместе с незадачливым поклонником. Ему даже нравилось вершить судьбы людей, решая, как поступить с неверной супругой: сломать ли ее жизнь или же попытаться спасти.

Иногда он искал потерявшихся детей. Обычно это были девушки, сбежавшие с какими-нибудь неподходящими парнями. Случалось ему и следить за непонятными личностями по непонятной причине. Ему просто говорили: «Ты должен докладывать мне о каждом шаге такого-то человека» — и платили золотом. Канаон никогда не допытывался о причинах. Он был профессионалом.

Однажды ему крупно не повезло. Человек, за которым он следил, обнаружил это. Такого в практике Канаона почти никогда не случалось. Он умел растворяться в темноте, не дышать в полной тишине, он хоронился под кроватями и в углах так, что даже домашние животные, которые чуюли его запах, считали его необходимой принадлежностью комнаты и не поднимали тревоги.

Но тот человек оказался хитрее и, подкравшись к сыщику, схватил его за горло.

Беда случилась в безлюдном месте. Канаон прятался в кустах, рядом с дорогой. Всадник должен был проскакать мимо, не заметив ничего подозрительного. Тогда Канаон вывел бы из-за камней свою лошадку и пустился бы вслед за ним, а дальше... Но никакого «дальше» не произошло. Всадник неожиданно остановился, спрыгнул с лошади и метнулся в кусты.

Если бы дело происходило где-нибудь посреди людного города, Канаон завопил бы, что его убивают, что его грабят, позвал бы на помощь городскую стражу... Но здесь кричать было бесполезно. Он даже не успел вытащить нож.

— Кто тебя послал? — шипел незнакомец сквозь зубы. — Кто ты такой?

— Пус... ти, — сумел выдавить Канаон.

Лицо незнакомца исказилось от злобной ухмылки. Канаон понял, что сейчас умрет, и закрыл глаза. Ему вдруг стало все равно. Всю жизнь он занимался тем, что копался в грязном белье других людей. Сегодня этому наконец будет положен предел. Вот и все. Ни разу Канаон не сделал ничего для себя. Даже денег не заработал. Бесполезный дурак.

И тут в воздухе зашумели крылья. Железная хватка незнакомца ослабла. Он выпустил свою полузадушенную жертву и поднял голову к небу. Там парили трое странных существ. Они кричали, точно птицы, но у них были человеческие лица и фигуры, а широкие кожистые крылья напоминали крылья летучей мыши.

Крыланы спустились ниже. Один из них ударил пятками обращенное к небу лицо и разбил незнакомцу нос. Потекла кровь.

— Проклятье! — вскричал он и вытащил нож. — Кто вы?

— Твоя погибель! — закричал один из крыланов.

Канаон отполз в сторону, подальше от сражающихся. Он еще не знал, радоваться ли ему неожиданным спасителям или бежать от них сломя голову. Впрочем, бежать он не мог и потому скорчился в придорожной пыли, надрывно кашляя.

Незнакомец нанес наугад несколько ударов, но крыланы были быстрее. К тому же, их было трое.

Вскоре все было кончено. Чужак лежал прямо посреди дороги, неподвижный и темный, а под ним расплывалось пятно крови. Крыланы сложили крылья, сторбились и тихо приблизились к Канаону. Он с опаской поднял на них глаза.

— Кто вы? — прошептал он хрипло.

— Говорят, наш отец колдун, а наша мать — птица, — сказал один из них.

— Я знал вашу мать, — сказал Канаон и заплакал. Крыланы молча топтались возле него, давая человеку успокоиться. Наконец Канаон обтер лицо ладонями и нашел в себе силы улыбнуться.

— Я расскажу вам все, — сказал он. — Хоть кому-то я смогу принести пользу...

— Погоди, — остановил его один из братьев, — кто был тот человек, что хотел убить тебя?

— Вы не поверите, — сказал Канаон, — но я этого не знаю. Мне заплатили за слежку, но не назвали ни имени, ни рода занятий. Наверное, он был колдуном, если сумел учуять

меня в этих кустах.

— Кем бы он ни был, для него все кончено, — молвил другой брат. Все трое крыланов уселись в пыль рядом с Канаоном. Один предложил ему воды, другой протянул кусок черствой лепешки, третий ободряюще похлопал по спине.

— Мы все понимаем, — заверили они едва ли не хором. — Ведь мы — воры бродяги, беглые циркачи. Будь нашим другом, шпион.

И Канаон, подкрепив силы скудной трапезой, поведал им все...

Крыланы нашли дом в Ианте и застали свою мать еще живой. Она не узнавала их, все бродила по роскошно убранным комнатам, высоко поднимая птичьи ноги и водя клювом по стенам и занавескам, тихонько клекотала и вскрикивала, внезапно принимаясь хлопать крыльями. Затем однажды утром братья нашли ее окоченевшей и похоронили в саду, под гранатовым деревом.

Канаон назвал им имя их отца, и братья решили отыскать его. Они были уверены в том, что Динифий еще живет в Шадизаре. Поэтому они оставили дом своей матери и направились в Шадизар.

Найти колдуна оказалось очень непросто. Он изменил имя и внешность, купил себе новый дом и перебрался в самый центр Шадизара. Но слухи продолжали ходить по городу. Братья сняли комнаты в разных частях Шадизара и везде заводили знакомства. Выглядели они старообразно, к тому же горбились а с маленьким горбатым старичком, знающим ворох забавных цирковых историй, всякий становится болтливым. От служанок и конюхов, от пухленьких домохозяек на рынках и уличных разносчиков «старички» узнавали последние слухи и новости. Пропала девушка несколько зим назад — ее так и не нашли. Домашний учитель вдруг исчез. Обучал одну вдову астрономии. Ну вот подумайте — к чему вдове астрономия! Кто их поймет, этих женщин, что у них на уме! Благообразный такой старец, с длинной седой бородой. Вышел из дома и растворился в воздухе. По слухам, растворился он вместе с алмазной диадемой, которую вдове преподнес ее покойный супруг ко дню свадьбы... Впрочем, сама вдова недолго горевала — спустя несколько дней ее нашли мертвой.

Слухов в Шадизаре было множество, но постепенно братья начали выделять главное. Во многих историях речь заходила о благообразном старце с седой бородой, который нанимался учителем к одиноким женщинам. Иногда этот старец приходил в дом как искусный врач. Пару раз — как торговец редкими тканями и пряностями. И еще случалось ему заманивать в свои сети простаков, падких до зыбкого наслаждения, даруемого черным лотосом.

Где он жил — этого не знал никто. Братья решили действовать напролом и пустили слух о том, что они-де сказочно богаты и желают приобрести запас порошка черного лотоса, а также двух-трех рабынь, желательно диковинного вида. «Из какой-нибудь далекой страны, — поясняли они налево и направо.

— А еще лучше — нечеловеческой расы... Должны же были где-то сохраниться потомки лемурийцев!»

При этом они сорили деньгами и вели себя крайне легкомысленно. Уловка сработала. В один прекрасный день, когда они шли на рынок, прямо из воздуха перед ними возник высокий старик с пронзительным взглядом и большим горбатым носом, похожим на клюв.

— Я слышал, вы интересуетесь черным лотосом и диковинными рабынями — проговорил он тяжелым, низким голосом.

Братья переглянулись и дружно закивали, постаравшись придать своим лицам возможно более глупое выражение.

Колдун двинул густыми бровями.

— Хорошо, — сказал он. — Это будет стоить тысячу золотых.

— У нас есть тысяча золотых, — сказал один из братьев поспешно. — Но хорош ли твой товар?

— Где вы живете? — спросил колдун. Братья назвали таверну в центре города.

— Ждите, — молвил старец и исчез.

К вечеру они были наготове. Везде горели лампы, на низеньком столике посреди комнаты стояло угощение, в металлические кувшины с длинным горлышком налили свежую воду. Колдун явился внезапно, сразу перед дверью. С ним была женщина, закутанная в покрывало.

Братья засуетились, устраивая гостей на коврах. Колдун величественно сел и простер руку по направлению к женщине. Она медленно сняла покрывало, и перед изумленными братьями предстало удивительное существо, прекрасное и отталкивающее одновременно. Оно было тонким, как хлыст, с очень пышными грудями, но с хилыми ручками и тощими ножками. На узком лице горели зеленым светом гигантские глаза. Крохотный носик торчал, как остренькое лезвие, а рот казался безгубой щелью, в которой явственно были заметны клыки.

— Что это? — спросили братья.

— Рабыня, которая может стать вашей, если вы захотите, — ответил колдун невозмутимо, однако заметно было, что он наслаждается произведенным эффектом.

— Ну, не знаю, — протянул один из братьев. — Нравится ли она нам? Крыланы начали обмениваться взглядами. Колдун настороженно наблюдал за ними.

— Знаете ли, господин, ваше предложение очень заманчиво, — сказал наконец крылан. — Можно коснуться этой женщины?

— Нет, пока вы ее не купили, — ответил колдун.

— А вдруг она на ощупь окажется противной? — возразил крылан. — Вы должны позволить нам, господин, потрогать ее!

— Нет, — повторил колдун. Он как будто стал больше ростом, глаза его засверкали. — Вы, кажется, решили посмеяться надо мной!

— Вовсе нет, — притворно испугались крыланы. — Мы... Знаете ли, господин, мы разыскиваем... своего отца.

— А при чем тут рабыня диковинной расы? — нахмурился колдун.

— Мы хотели... преподнести ее в подарок, — выпалил другой крылан. Теперь они заговорили наперебой, попеременно подскакивая и шевеля сложенными крыльями.

— Наш отец — сластолюбец!

— Он похищает женщин!

— Он очаровывает их!

— Он превращает их в ничто!

— Например, в птиц!

— А они рожают ему детей!

— Станных!

— Он любит странное!

— Остановитесь! — заревел колдун. — О ком вы говорите?

Он щелкнул пальцами, и таинственная рабыня исчезла, растворившись в воздухе.

— Я так и думал, что это иллюзия, — с облегчением вздохнул один из крыланов. — Да вы просто фокусник, господин! Разве можно так дурачить людей?. Впрочем, неплохое представление. Да только ни один цирковой фокус не стоит тысячи золотых, уж поверьте старым циркачам!

Смутное лицо Динифия сделалось пепельно-серым.

— Вы? — молвил он, чуть отшатнувшись. — Вы мои сыновья?

— Похоже, так, — согласились братья. — Если ваше имя Динифий, если вы похитили девушку по имени Клеуфа и превратили ее в печальное безумное чудовище, которое совсем недавно мы похоронили в саду возле нашего дома.

— О! — выговорил Динифий. — Клеуфа скончалась? Очень интересно!

— У магов своя жизнь, — заговорил крылан, который, как видно, имел обыкновение выступать от лица всех троих, — и мы не осуждаем вас, господин. В конце концов, наша бедная мать сама бросилась вам в объятия, и любопытство погубило ее. Вы сохранили нам

жизнь, поэтому мы не держим на вас большого зла. Но мы смиренно умоляем вас вернуть нам обычное человеческое обличье. Слишком трудно оставаться уродцами. Мы ведь еще молоды и хотели бы быть счастливыми! Какая женщина полюбит горбатого старичка? Какая женщина согласится разделить свою жизнь с крыланом?

— Чего вы хотите? — медленно спросил колдун. — Я не могу дать вам этого счастья. Я могу наделить вас толикой магии, чтобы женщины не замечали вашего уродства.

— Нет, вы должны изменить саму нашу природу, — твердо заявил крылан. — Преобразовать нас с помощью магии. Мы не желаем иллюзий. Мы хотим быть настоящими.

— Сколько вы готовы заплатить мне за эту работу? — осведомился колдун.

— Тысячу золотых, — ответили крыланы. — Как мы и договаривались. Динифий вздохнул и поднялся.

— Вы будете доставлять мне золото, монеты и драгоценности, пока я не скажу «довольно», — велел он. — И тогда я возьмусь за дело. Не пройдет и зимы как вы превратитесь в самых обыкновенных людей. Не уверен, что это лучше для вас самих, но... Мне-то какое дело! Он захохотал, взмахнул руками и исчез. Оставшись наедине, братья некоторое время молчали.

— Ты ему веришь? — спросил наконец один. Остальные как по команде закачали головами.

— Он всегда лгал, — заговорили они. — Он не умеет говорить правду. Но золота и драгоценностей ему хочется. В этой правде сомневаться не приходится.

— А когда настанет время платить по счетам — не обманет ли он нас? Воцарилось молчание. Каждый из крыланов обдумывал эту возможность, сопоставляя все то, что было известно о личности их отца.

— Может быть, — помолчав некоторое время вымолвил тот, что всегда говорил за остальных. — Но он любопытен и интересуется новшествами. Возможно, он захочет поглядеть — что получится, если опробовать на нас, его добровольных жертвах, какое-нибудь новое заклинание.

И таким образом крыланы вернулись в Ианту и начали промышлять настоящими грабежами. Они пользовались своим умением летать и проникали в богатые дома, откуда забирали самые лучшие украшения, которые и прятали в доме своей матери. Скоро, очень скоро им предстояло собрать всю свою добычу и доставить ее в Шадизар, к колдуну Динифию, дабы тот исполнил свое обещание и превратил отпрысков Клеуфы в нормальных, самых обыкновенных молодых людей.

* * *

Конан выслушал эту историю, не перебивая. Поначалу братья немного смущались, опасаясь, что варвар им не поверит. Слишком уж невероятным могло показаться постороннему человеку то, о чем они рассказывали. Но киммериец не усомнился ни в едином слове. Когда братья закончили рассказ, он задал несколько вопросов, уточняя детали, а затем запустил пальцы в густую гриву своих черных спутанных волос и глубоко задумался.

Братья робко переглянулись, а затем один из них заговорил, тронув варвара за плечо тонкой ручкой:

— Ты полагаешь, колдун не выполнит обещания? Конан поднял голову, сверкнул синими глазами.

— Ни мгновения не сомневаюсь, что обманет! Вся их порода такова — прогнившие, лживые, гнусные создания, служители зла! Надеюсь, какой-нибудь демон, которого он не сумеет удержать в узде, сожрет его кишки и закусит печенью!

Тут киммериец сообразил, что говорит об отце своих собеседников, и его загорелое лицо чуть покраснело. Но крыланы не обратили на эту тираду особенного внимания. Они искренне огорчились и залопотали:

— Но что же нам делать! Мы зашли уже достаточно далеко! Мы так надеялись...

— Он не задумываясь погубил вашу мать ради собственного праздного любопытства. Неужели вы думаете, что этот негодяй захочет помочь собственным детям?

И пока крыланы переглядывались и огорченно бормотали, киммериец добавил более мягким тоном:

— У вас тут запасы отменного вина. Думаю, нам стоит выпить и немного отдохнуть. Я помогу вам, как сумею, но вы должны вытащить из тюрьмы мою подругу. Ее обвиняют в краже, которую совершили вы, и если завтра она не будет на свободе, то в полдень ей отрубят руку на городской площади.

Киммериец сам не мог понять, почему эти грустные уродцы вызвали у него такое чувство. Обычно Конан терпеть не мог всяких полудемонов, родственников и потомков змей, лемуров и бесноватых шаманов. При встрече с пособниками тьмы киммериец даже не начинал беседы — просто вынимал из ножен меч и решал все недоразумения при помощи доброго холодного железа.

Но в этом случае все обстояло иначе. Крыланы, хоть и были порождением искаженной человеческой природы, которую испортило злое волшебство, сохранили в себе много добрых качеств. Они всего-навсего стремились обрести то, чем всякий человек обладал с рождения: истинную, неиспорченную природу. Не власть, не богатство, не тайную мощь, не союз с черными силами привлекал их, но самая простая людская жизнь. И это вызывало у Конана несомненное уважение. Сам он тоже не сильно разбирался в средствах, если кто-то пытался покуситься на его свободу или навязывал ему собственную волю. Поэтому побег крыланов из цирка и их кражи киммериец воспринял совершенно легко, как нечто само собой разумеющееся. Гораздо труднее было решить, что делать с колдуном.

Для начала, подумал Конан, пусть вытащат Зонару. А там разберемся.

К этому делу они приступили, опорожнив несколько кувшинов весьма забористого вина. Крыланы от души веселились. Давно им не было так хорошо. С тех самых времен, как они общались со старым ищейкой, Канаоном, у них не было приятелей среди людей. Конан не видел в крыланах уродцев, он не рассматривал их как опасное явление или возможный источник обогащения. Они были для него товарищами по приключению. И, соответственно, Конан относился к братьям как к равным.

Изрядно поднабравшись, они выбрались из усадьбы и, переправившись через городскую стену, двинулись по ночной Ианте. Крыланы посмеивались, семена по мостовой рядом с огромным варваром:

— Мы-то думали, что тебя придется тащить на себе! А ты, оказывается, карабкаешься по отвесным стенам, как кошка!

— Это так, — признался киммериец. — Но на стену тюрьмы мне не забраться. Ее недавно оштукатурили. Она гладкая, как фаянс. Ноги скользят. Да и лезть слишком высоко. Камера Зонары — под самой крышей.

— Ловкач! — веселились крыланы. — Ладно, мы, возможно, долетим... А какая она из себя, эта Зонара? Красивая?

— Очень, — хмуро ответил киммериец. — Только нрав у нее тяжелый, учтите.

— Ничего, главное, чтобы зад был легкий, — хихикнул один из братьев, а остальные затряслись от беззвучного смеха. — А нрав как-нибудь дотащим.

— Зад у нее тоже ого-го, — сообщил Конан и задумался. — Вообще, раньше она была гимнасткой. Выступала в цирке. В бродячем.

— Вот это да! — присвистнули братья. — Стало быть, она одна из нас!

— Да, с детства этим занималась, а потом хозяева стали злыми или еще что...

На краже попалась... В общем, она сбежала. И с тех пор бродит по свету, попадая в самые разные дурацкие истории. Иногда наши с ней пути сходятся, иногда расходятся, — разоткровенничался Конан. Крыланы уловили главное — пленница, как и она, с детства росла при цирке. И сразу же после этого признания Конана Зонара стала им как будто родной.

— Мы ее вытащим, — заверили они киммерийца.

Тюрьма находилась ближе к центру города. Высокая, одиноко стоящая башня с гладкими стенами и толстыми решетками на окнах. Двери заперты — тяжелые, металлические. Несколько стражников ходили по плоской крыше башни, еще трое совершали обход внизу.

Четверо заговорщиков притаились в темном переулке, наблюдая за охранниками. Конан считал: «раз, два...», чтобы получить точное представление о том, через какие временные интервалы стражники появляются над окном Зонары.

— У вас будет всего пятнадцать счетов, — сообщил он своим крылатым приятелям. — Я попробую отвлечь их, иначе вы попросту не успеете улететь.

— Сперва нужно передать ей пилку, — прошипел один из стражей. — Прутья очень толстые.

— Ей достаточно перепилить одно наверху, — возразил Конан.

— Не пролезет, — авторитетно заявили братья и закачали головами.

— Вы не знаете Зонару, — сказал Конан. — Много зим она занималась тем, что забиралась в чужие окна. Она умеет становиться плоской, как змея, если нужно проползти. Как-то раз, клянусь, я видел, как Зонара просочилась в щель под закрытой дверью.

Один из крыланов схватил пилку и поднялся в воздух, стараясь держаться как можно ближе к стене. «Десять, одиннадцать... — шептал Конан, а сам думал: — Только бы успел!»

— Зонара! — шепнул крылан, бросая пилку между прутьями. Спавшая на охапке соломы пленница приподняла голову. Несомненно она решила, что собственное имя, произнесенное шепотом, почудилось ей.

— Кто здесь? — на всякий случай спросила она.

— Друг! — ответил крылан.

Зонара вскочила и подбежала к окну.

— Кто ты? — вскрикнула она в ужасе, увидев крылатую тень, и тут же зажала себе рот ладонями.

— Меня прислал Конан! — ответил крылан. — Сейчас я исчезну. Подбери пилку и попробуй избавиться от решетки.

— Будет слышно, — усомнилась Зонара.

— Делай, что тебе говорят! — сказал крылан и исчез, быстро взмахнув крыльями.

Зонара наклонилась и действительно отыскала на полу тоненькую пилку, остро заточенную и предназначенную для того, чтобы перегрызать металл. «Чудеса!» — подумала она и, встав на цыпочки, принялась за дело.

Как только первый звук пилки, шаркающей по металлу, донесся до слуха Конана, он подтолкнул своих сообщников.

— Пора!

— Помогите! — тонким голосом завопил один из них, а Конан, выскочив на площадь перед тюрьмой, принял несколько угрожающих поз и снова скрылся.

Стражники, вытянув шеи, принялись наблюдать за происходящим. Им строго-настрого было запрещено покидать пост, поэтому крылан мог сколько угодно звать на помощь и проклинать городские власти — никто и пальцем бы не пошевелил. В Ианте хорошо знали, что воры способны на самые разнообразные уловки, лишь бы выволить из тюрьмы своих приятелей.

Поэтому Конан и трое братьев-крыланов буянили всюду. Они то выскакивали на свет, под фонарь, то исчезали, и самозабвенно орали во все горло. Начали просыпаться обыватели. Из соседнего дома вышел рослый мужчина с дубинкой в руке и, ни слова не говоря, набросился на Конана. Киммериец радостно взвыл и кинулся в атаку. Крыланы тем временем завывали и стонали, проносясь по воздуху.

— Летучие мыши! — завизжала какая-то женщина, разбуженная шумом драки и высунувшаяся из окна.

— Спасите! — вторила ей другая, живущая в доме напротив.

— Убивают! — верещали крыланы.

Зонара продолжала пилить. Когда она увидела летающую тварь, она усомнилась было в том, из какого источника исходит неожиданная помощь. Но всеобщая ночная свалка в качестве отвлекающего маневра не оставила никаких сомнений: чувствовалась неповторимая рука Конана-киммерийца.

Наконец Зонара завершила работу и испустила пронзительный свист. Как ни странно, крыланы расслышали его во всеобщей какофонии и подлетели к окну пленницы. Конан уносил ноги, а разозленные жители Ианты долго еще молотили друг друга, не в силах разобраться, кто первым затеял свалку.

Зонара протянула руки на волю, высунула голову, затем протиснула тело. Крыланы, зависая в воздухе возле нее, тащили девушку наружу. Их крылья с усилием били по воздуху.

Наконец Зонара вылетела из тесного отверстия, как пробка из бутылки, и повисла на слабых руках своих спасителей.

— Вниз! — сказала она. — Долго вы меня не удержите.

— Тебя поймают! — возразил один из братьев.

— Летим до переулочка, а там я побегу сама! — велела Зонара. — Не перечьте! Я не хочу разбиться насмерть. Встретимся возле городской стены. Вам еще придется перетаскивать меня наружу.

Так они и поступили, и скоро вся компания собралась в заброшенной усадьбе.

— Я так и знала, что это ты, — заявила Зонара с таким видом, как будто оказывала великую честь варвару, позволив спасти себя от палачей.

— Отлично! — фыркнул он. — В таком случае, позволь представить тебе моих новых друзей. Это крыланы. Они никак не называют себя — видимо, потому, что при рождении имен им не дали, а впоследствии, в силу замкнутого образа их жизни, надобность в этом так и не возникла.

— Ну и ну! — Зонара покачала головой и чуть покровительственно заметила: — Если вы хотите стать достойными членами общества, вам необходимы хорошие имена. А лучше — титул.

— Посмотрите на нее! — фыркнул Конан. — Тоже мне, достойный член общества, графиня Зонара, леди Запусти-Ручку-в-Чужой-Сундук, наследная принцесса Кутузка!

— Сам хорош! — огрызнулась Зонара. — Будущий король. А сам медяки таскаешь.

— Во-первых, не медяки, — начал Конан запальчиво, но тотчас остыл и махнул рукой. — Ладно, ты права. Им нужны достойные имена. Все остальное у них уже есть: деньги, собственный дом и даже немного ума. А главное — они хорошие люди, Зонара. Присмотрись к ним повнимательнее.

— Смотрю и вижу, — объявила Зонара, пристально вглядываясь в каждого из братьев, — их заколдовали.

— Причем при рождении, — добавил Конан. — И теперь они нашли того, кто это сделал. Хотят вручить ему кучу денег, чтобы он вернул им человеческое обличье.

Конан и его подруга говорили о братьях так, словно тех и не было в комнате.

Но почему-то крыланы не чувствовали себя обиженными. Может быть, потому, что прежде никто и никогда так искренне не интересовался их судьбой. К тому же, в тоне обоих жуликов не было ни снисходительности, ни презрения, ни чувства превосходства.

— По мне так, колдунам верить не стоит ни в каком случае, — сказала Зонара, задумчиво жуя длинный локон. — Поэтому сделаем так. Заберем все ваше барахло, что вы тут ухитрились награть, и отправимся к нашему магу немедленно.

— Немедленно не получится, — тотчас перебил Конан. — Наш маг в Шадизаре.

— Проклятье! Ну так поедem в Шадизар. Только немедленно.

— Мы спать хотим, — пожаловались вдруг крыланы. — Мы устали.

— Завтра нас начнут искать, — терпеливо объяснил варвар. — И чем дальше мы окажемся от Ианты, тем безопаснее.

— Возьмем телегу и лошадей, — предложила Зонара. — Крыланы пусть себе спят, а

мы будем править.

— Еще одна кража! — возмутился Конан. — Для приличных членов общества это чересчур, ты не находишь, дорогая?

«Дорогая» скривила отвратительную гримасу.

— Я куплю телегу и лошадь, только дай мне денег, — сказала она.

— Ты?

— Меня все равно ищут. Ну, объявится к полудню какой-нибудь крестьянин и скажет, что продал посреди ночи беглой воровке лошадь и телегу за бешеные деньги. Мол, соблазнился прибылью. Опишет, как я выглядела. Будто они и сами не знают — как! А может, он и вовсе не объявится. Побойтся, что его привлекут к ответу за пособничество беглой воровке.

— Умно, — одобрил Конан. — Только вот не знаю, как вручу тебе эти самые бешеные деньги. Ты ведь с ними смоешься, только тебя и видели.

— Придется поверить мне на слово, — сказала Зонара капризно. — Не такая уж я плохая. Я еще помню, кто меня спас. И буду помнить дней пять. Пользуйся!

И Конан дал ей кошелек с золотыми монетами.

Деньги совершили свое привычное маленькое чудо: телега и лошадь явились еще до того, как луна коснулась горизонта. Крыланы уже заснули, повалившись друг на друга, кто где сидел. Конан и Зонара бережно перенесли их на телегу и прикрыли одеялами, взятыми из комнат. Затем поставили рядом со спящими мешок, набитый драгоценностями и золотом, насыпали туда сена — на корм лошади — и медленно выехали из сада.

Дорога лежала перед беглецами, ровная, залитая тихим светом угасающих звезд. На востоке уже слегка посветлело небо — начинался новый день, сулящий новые заботы, тревоги и радости.

* * *

Дорога до Шадизара была долгой. Приходилось скрываться от погони, поэтому в первый день путники проделали совсем небольшое расстояние. Когда крыланы отдохнули и проснулись, дело пошло быстрее.

Летучие братья очнулись и поначалу не могли понять, где находятся. Над головой у них покачивался полотняный полог, свежий ветер задувал в «спальню», отчетливо слышался запах конского пота. Наконец один из них высунулся наружу и с изумлением обнаружил, что они — в телеге, которая движется по дороге в неизвестном направлении. Крылан слабо махнул крыльями, забрался на крышу повозки и увидел впереди Конана с Зонарой. Зонара болтала ногами, а Конан держал в могучей руке поводья. Лошадка бежала вперед, помахивая хвостом. У нее было, судя по всему, хорошее настроение.

— Где мы? — спросил крылан.

Конан обернулся, приветливо ухмыльнулся.

— Мы направляемся в Шадизар. Предлагаю в ближайшей же деревне продать телегу и лошадь, прикупить верховых коней и дальше двинуться быстрее. Так они и поступили.

Погоня тем временем отстала. Не такая важная птица — какая-то воровка, чтобы преследовать ее через всю страну. Доложили о том, что нашли в реке платье беглянки — мол, скорее всего, утонула. Даже предъявили какие-то тряпки, и городские власти этим удовлетворились. Госпожа Теривана получила назад похищенный браслет; что до прочих украденных вещей, то она с легкостью забыла о них. Конан наслаждался. Он находился в дороге, ему предстояла схватка с колдуном — представителем поистине ненавистного племени. Убивая колдунов, Конан никогда не испытывал ни сомнений, ни угрызений совести. Он не считал, сколько магов и чародеев разных мастей отправил в преисподнюю, ибо варвар был выше подобной мелочности. Но больше десятка — это точно.

— На пятый день пути они повстречали бродячий цирк, и братья-крыланы вдруг

разволновались.

— В чем дело? — осведомилась Зонара, которая более тонко воспринимала чувства своих спутников. — Что вас беспокоит?

— Там... наши бывшие хозяева, — пояснили братья. — От которых мы бежали зим десять назад.

— О! — возликовала Зонара. — В таком случае, давайте им покажем! Как они с вами обращались, мальчики? Не обижали? Крыланы переглянулись, а потом один из них сказал:

— Они нас хорошо кормили, когда было чем, но вообще... Второй подхватил:

— Они держали нас взаперти, Зонара. Как это называется? Хорошо они с нами обращались или плохо?

— Ну, они нас не били, — сказал третий. — Боялись повредить крылья. Мы же приносили им кучу денег, если были зрители.

— Понятно, — подытожил Конан, который внимательно слушал их разговор. — Обычные рабовладельцы. Знаю я эту породу.

— Конан все знает, — пояснила братьям Зонара. — Он был гладиатором. А я тоже выросла при цирке.

— Иными словами, мы с вами родственные души, — подытожил Конан — Давайте что-нибудь устроим... УЖАСНОЕ! — Последнее слово он проревел.

Они посоветовались, и в конце концов устроили настоящее представление. Бывшие хозяева «летающих мальчиков» получили огромное впечатление, от которого не оправились до конца дней своих.

Сперва на их медленно ползущий караван, состоящий из двух телег и вагончика с дрессированными животными, налетели разбойники. Впереди мчалась обнаженная женщина с закутанным лицом. Она размахивала огромным мечом и выкрикивала какие-то дикие угрозы. За ней скакал полуголый варвар, устрашающе мускулистый и разрисованный темной глиной. Его глаза сверкали, а глотка исторгала боевой клич, от которого, казалось, содрогались горы.

Дрессированные животные завyli и забились в своих клетках, лошади, обычно смирные, пожилые создания, взвились на дыбы и принялись бить копытами. Цирковые артисты соскочили с телег и бросились врассыпную.

И тогда на них с небес обрушились черные демоны. Их огромные крылья развевались, а морды роняли кровавую слюну. Они гонялись за убегающими людьми и ревели на все лады.

Наконец это прекратилось. Демоны куда-то улетели, а дикари ускакали прочь. Ничего не понимающие, сбитые с толку, перепуганные артисты собрались возле своих телег. Ничто не пропало, ничто не было сломано. Остался только ужас.

И тогда один из них, самый старый, который давно уже не выступал, а только следил за реквизитом, сказал:

— Это нам наказание за то, что мы держали в клетке летающих мальчишек.

Но с ним никто не согласился.

А крыланы сбросили с себя черные плащи и хохотали до слез. И давняя обида, которая не давала им покоя все эти зимы, вдруг ушла из их сердец — испарилась, как будто ее и не было.

* * *

Динифий явился на свидание, едва лишь получил записку о том, что его ждут в маленькой таверне на краю города. Это была та самая таверна, где много зим назад он соблазнил Клеуфу. Некоторые значные места оказываю» долговечнее дворцов и замков. Казалось бы, стены, сложенные из ломаных досок, грубых булыжников, не скрепленных раствором, и разного мусора, должны были рассыпаться спустя пару лет, — а вот гляди ты, латаная-перелатаная, как рубаша нищего, стоит таверна неколебимо и по-прежнему

поглощает своих постояльцев, точно людоед. Сколько человек исчезло в ее чреве бесследно — никто не считал. Сколько страшных, отвратительных дел здесь обсуждалось, сколько сделок совершилось, сколько судеб было разрушено!

Конан вошел в вонючее, полутемное помещение и сразу принялся хищно тянуть носом, точно зверь в чужой берлоге. В подобных местах киммерийцу доводилось бывать не раз, и он хорошо знал, как себя вести. Вышвырнув из-за удобного столика пару чванливых жуликов и переломав ноги тому из них, кто протестовал громче, варвар развалился поудобнее и кивнул своим спутникам, чтобы те заняли место рядом.

Он велел принести ему дощечку и палочку для письма, а когда это было исполнено, поручил одному из крыланов нацарапать записку. Затем был найден мальчишка-прислужник, которому вручили записку вкупе с медной монетой и указали адрес.

И вскоре в таверне возникла величественная фигура Динифия. Никто не видел, как вошел маг. Он просто возник посреди комнаты, полной народу.

— Садись, — сказал ему киммериец без всякого почтения.

Динифий опустился на скамью и устремил на варвара тяжелый взгляд своих темных глаз. Огромный нос, похожий на клюв грифа, уставился на киммерийца.

— Будешь пить? — фамильярно осведомился Конан и, не дожидаясь ответа, рывкнул: — Хозяин, еще вина!

— Кто ты? — прошипел колдун. — Почему вмешиваешься в мое дело?

— О, а это твое дело? — изумился Конан. — А я и не знал! Я — Конан, если тебе это интересно. Эти ребята, твои сыновья, — мои приятели. У нас с ними было общее дельце. Хорошие ребята, кстати. Ты молодец. Отменно воспитал их. Ведь это ты научил их хорошо себя вести, не так ли? Привил им манеры. Как они держатся за столом, как чудно орудуют всеми этими маленькими ножичками и вилочками — ну просто хоть сейчас ко двору какого-нибудь монарха...

Конан болтал и болтал, наблюдая за Динифием ледяными синими глазами. Зонара с деланным безразличием разглядывала то колдуна, то интерьер таверну. Время от времени она опускала глаза и принималась вертеть на пальце перстень. Динифий относился к этому перстню как-то нервно — видимо, опасался, что кольцо может оказаться магическим. На самом деле кольцо было совершенно обычным, но Зонаре нравилось изображать многозначительность. Крыланы, похожие на горбатеньких старичков, одинаково моргали, поглядывая на своего могущественного и страшного отца. Динифий наконец заговорил снова, перебивая Конана:

— Зачем ты пришел?

— Обсудить с тобой участь твоих сыновей.

— Какое тебе дело до них? Спрашиваю в последний раз!

— Они мои сообщники. Мы вместе воровали, — сказал варвар.

— Предположим, — презрительно молвил колдун. — Что ты хотел узнать?

— Ты намерен превратить их в обычных людей?

— На это уйдет довольно много времени, — отозвался Динифий. — Я уже рассказывал... этим уродам, что процедура трудоемкая и длительная.

— В общем, ты им наврал, — сказал Конан и поднялся. — Ничего ты не можешь! Тебе просто хотелось заграбастать побольше сокровищ, а потом еще и использовать ребят для своих колдовских опытов! Что, я неправ?

Динифий тоже медленно встал и навис над киммерийцем, хотя тот был и немаленького роста.

— А если и так? — в упор осведомился колдун. — Что тебе до них? Они — неполноценные уродцы, результат неудачного эксперимента! Я создал их, я их и уничтожу! Незачем таким, как они, шлаться по земле!

Конан раздул ноздри от гнева.

— Это тебе незачем шлаться по земле, отребье! — заревел он, выхватывая меч.

Колдун поднял руку, и молния слетела с его пальцев. Неуловимым, стремительным

движением Конан уклонился, и огненный заряд — вот жалость-то — угодил прямо в голову одному ничего не подозревающему сутенеру. И в чем бы ни был виновен этот торговец женским телом, но только не в том, за что был испелен на месте.

Колдун стиснул зубы и вновь метнул в Конана молнию. На сей раз пострадали двое шулеров — и опять безвинно. Конан замахнулся мечом. Жертвой пал дубовый стол. Опрокинув скамью, Конан выскочил на середину зала.

— Разойдись! — заревел он.

Посетители таверны брызнули со всех сторон и стеснились возле выхода. Зонара усмехнулась. Она и не подозревала, что в этом небольшом, с виду полупустом заведении скрывается столько народу.

Крыланы сбились в кучу, наблюдая за поединком. Слова Динифия потрясли их. Они, конечно, знали, что отец их — негодяй, но почему-то верили, что он выполнит обещание. Возможно, потому, что им хотелось в это верить.

Что касается Конана, то он никогда не питал иллюзий по отношению к колдунам. И теперь киммериец, радостно рыча, размахивал мечом, намереваясь поразить своего противника. Динифий пользовался только магическим оружием — молниями и огненными стрелами. Кроме того, его защищал невидимый купол силы. Однако Конан продолжал свои атаки. Он знал, что рано или поздно колдун устанет. Разве что воспользуется магической мощью для того, чтобы сбежать.

Зонара также обнажила небольшой кривой меч и вступила в схватку. Вдвоем они набрасывались на Динифия спереди и сзади, ломались сквозь его защиту с обеих сторон, проклинали, высмеивали, отвлекали. И в конце концов защита Динифия начала ослабевать.

Он не мог сбежать с места поединка, как опасался Конан, потому что для мгновенного перемещения колдуну потребовалось бы уничтожить свою защиту. А Динифий уже успел оценить силу и стремительность Конана и понял, что киммериец сразит его мечом в то же самое мгновение, как защита упадет.

Неважно, сколь короткое время это продлится. Зонара внезапно ощутила, как ее рука с мечом почти коснулась колдуна — Динифий успел отпрыгнуть в последний миг.

— Он начинает уставать! — крикнула она торжествующе. — Еще немного, и силы магии ослабнут! Будь наготове, киммериец!

Динифий испустил тихое, злобное шипение. Он видел, что варвар не отступится. Киммериец принадлежал к наиболее ненавистному для Динифия типу людей: упрямый, абсолютно неспособный к магии, живущий в мире ясных, однозначных вещей. Такого не сбить с толку магическим трюком, не совратить с пути посулами таинственной власти над людьми. С таким вообще ничего нельзя сделать — только убить, но это как раз самое сложное! А силы колдуна действительно были на исходе. Ему приходилось держать защиту и следить сразу за несколькими врагами. И еще, как это ни удивительно, странным образом действовало на Динифия присутствие его сыновей. Печальных, бессильных уродцев, которые были зачаты обманом, рождены глупой матерью, которая к тому времени уже почти не была человеком. Неудачников, которых ничего не стоило обмануть и убить. И вот, надо же, они нашли себе защитников и друзей и теперь стоят и моргают с невинным видом! Это раздражало Динифия и каким-то образом взывало к его несуществующей совести.

Да, он несколько раз обманул их. Обманул в самом важном, в том, что было, собственно говоря, их жизнью. Он никогда не жалел о содеянном — это тоже правда. Но отсутствие совести, которая могла бы откликнуться на взгляд крыланных глаз, тревожило, говорило о некоей ущербности. Мне все равно, думал колдун. Это обстоятельство всегда делало меня сильным. Почему же теперь оно меня ослабляет?

Он не успел довести эту мысль до конца. Конан испустил оглушительный боевой клич, очертил длинным мечом сверкающую дугу и снес голову своему врагу с такой смертоносной точностью, что любой палач позавидовал бы ему.

Безголовое тело постояло еще немного, словно не доверяя случившемуся, а затем рухнуло, и из перерубленной шеи хлынула кровь.

Крыланы завизжали и выбежали вон из таверны. Зонара и Конан последовали за ними. Из раскрытой двери повалил дым, тяжелый, зловонный, зеленовато-желтого цвета.

— Сдох, — удовлетворенно произнес Конан и вытер меч о свою одежду. Крыланы переглянулись и дружно заплакали.

— Теперь мы навсегда останемся уродами, — прошептал один из них, вытирая слезы с маленького сморщенного личика.

— Во-первых, никакие вы не уроды, — рассердился Конан. — Вполне нормальные люди, только с крыльями.

— Во-вторых, он не собирался вас расколдовывать, вы разве не слышали — вступила Зонара. Она тяжело переводила дыхание, но Конан подозревал, что Зонара делает это нарочно — чтобы у ее спутников был повод полюбоваться ее роскошной колышущейся грудью. — Он намеревался использовать вас и убить.

— У меня есть предложение, — сказал Конан. — В Кхитае у меня есть один добрый приятель, Тянь-По. Он мудрец. Живет в горах, в тихом красивом саду. Изучает там какую-то мудрость или что-то в этом же роде. Там полно чудиков. Можете прихватить ваши денежки и отправиться к нему... Я... — Он быстро глянул на Зонару. — Я, пожалуй, провожу вас к нему. А то — мало ли что. Путь неблизкий...

— Но что мы будем там делать? — спросил один из крыланов.

— И нужны ли мы там? — добавил второй.

— Если так рассуждать, так никто никому не нужен, — сказал Конан с важным видом. Он вспомнил, как преподавал ученикам Тянь-По премудрости и даже немного преуспел в этом. — Но говорю вам, в Кхитае полно странных личностей, так что вы там будете совершенно в своей тарелке. Построите себе дворец и будете наслаждаться жизнью. И девушки там ласковые. Они любят мужчин не за внешность, а за душевную красоту. Уж вы мне поверьте.

— Конан пользовался там успехом, — ядовитым тоном вставила Зонара. — Разве непонятно?

Крыланы переглянулись. Слезы высохли на их глазах, они даже начали улыбаться.

— Но сперва передохнем в Шадизаре, — добавила Зонара.

— Нет уж, — возразил Конан. — Мы выходим немедленно.

— Ну хоть денег мне оставьте! — взмолилась девушка. — Я же бросила все свои сокровища в Ианте!

— Бедняжка, — притворно посочувствовал Конан.

Спустя несколько часов четверо путников на хороших лошадях уже вышли из Шадизара, направляясь на восток. А разочарованная в мужчинах, но очень красивая женщина выложила пару золотых монет перед содержателем очень дорогой гостиницы и потребовала всего самого лучшего: ванны с розовыми лепестками, жасминового масла для умачения тела, трех служанок, сладкого вина, вишен, орехов в меду и немного порошка черного лотоса.

— Хочу забыться, — сообщила она интимным тоном. — Все мужчины такие ужасные негодяи!

